

миссии вести свою работу уже без каких-либо социальных потрясений, которые могли бы спровоцировать только новые репрессии со стороны императора.

Вмешательство местного Антиохийского монашества в ход событий после восстания 387 г. сыграло свою положительную роль в том, что, оказывая внешнее давление на ход судебного разбирательства, рядовые монахи смогли заставить судей отказаться произнести окончательный приговор и представить суть дела вместе с письменным ходатайством на разбирательство самого императора.

Результатом же всей деятельности Церкви после восстания 387 г. оказалась полная амнистия полиса. Такая деятельность местного духовенства положительно сказалась на общем характере «буферного участия» Церкви в процессах общественной жизни ранневизантийского полиса.

В. А. Сметанин

Екатеринбург

КОНСОНАНЦИЯ СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЮСТИНИАНОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ РОМЕЙСКОГО СОЦИУМА

Потрясенный солидарностью и дерзостью общестолличного восстания Ника («Побеждай!»), развернувшегося 13–18 января 532 г., Юстиниан не только беспощадно расправился с участниками гражданского сопротивления (только в ходе резни на ипподроме было истреблено около 35 тыс. человек), но постарался извлечь уроки из произошедшего. Он наладил интенсивные многогранные связи с политами с целью формирования толерантно воспринимаемых и управляемых общественных процессов. Стремясь избежать нового социального взрыва (что, несомненно, ему удалось сделать), Юстиниан впервые от имени императорской власти огласил, юридически закрепил и теоретически раскрыл основополагающий принцип жизнедеятельности ромейского социума – принцип согласованности, единения, единства, симфонии, консонанции духовной и светской, церковной и гражданской властей, священства и царственности, *sacerdotii et imperii*, что нашло отражение в новелле 6 от 16.03.535 г. Одновременно с промульгацией названного дъятаксиса автократор перешел к конкретизации изложенного в общих чертах принципа управления, посвятив обстоя-

тельной разработке принципиальной установки 36 специальных новых конституций. Данная статья представляет собой попытку раскрыть теоретическую и практическую значимость понятия «консонанция священства и царственности», впервые официально введенного Юстинианом в его новых конституциях¹ и неустанно разрабатываемого им в течение последующих 30 лет законотворческой деятельности василевса ромеев.

Византийское государство, просуществовавшее 1128 лет (с 8.11.324 по 29.05.1453 г.), выдвинуло, в своем историческом движении, три важнейших идеологических принципа (единогласие властей, универсализм, традиционализм²), на которых базировалась вся внутренняя и внешняя политика. Относительная или мнимая незыблемость, усиливающаяся или ослабевающая неуравновешенность названных компонентов, замалчивание и принижение того или иного элемента или его экспрессивное подчеркивание, возвеличение и апология – все это определялось соотношением социальных сил внутри страны, значимостью международного статуса Византийского государства, корреляцией давления или уступок власти поддерживающей в различных сферах общественного бытия. На том или ином этапе социальной модификации возникала потребность пересмотра, коррективы, уточнения вышеуказанной триады. Динамика назревающих в обществе противоречий взрывала намечающуюся статику идейного кредо, что особенно проявлялось в самые переломные, эпохальные периоды. К числу последних, несомненно, следует отнести время правления самого знаменитого византийского императора Юстиниана I Великого (11.05.482–14.11.565 г., василевс с 1.04.527 г., автократор, то есть самодержец, с 1.08.527 г.). Он был незаурядной личностью. Не случайно VI столетие называют «веком Юстиниана». Данте в «Божественной комедии» поместил Юстиниана в рай среди благодетелей человечества. Условия взросления, приобретенный уровень образованности и умение реагировать на растущие общественные потребности во многом помогли Юстиниану разобраться в перипетиях складывающейся ситуации. Он родился в крестьянской семье в деревне Тауресий,

¹ Лучшим до сего времени изданием «Новелл Юстиниана» является публикация Р. Шелля и Г. Кролля: *Iustiniani novellae* / Ed. Schoell R. et Kroll G. // Mommsen Th., Kueger P. *Corpus Iuris Civilis*. Berolini: Apud Weidmannos, 1895. Vol. III. P. XXIV, 813 (далее – *Nov. Iust.*). При сносках на указанное издание фиксируется номер новеллы, страница (-ы) и строка (-и), например: 171:802.46–48.

² О значении *παράδοση* см.: *Τεγόπουλος-Φιτράκης. Ελληνικό λεξικό. Ζ' έκδ. Αθήνα*, 1993. Σ. 568.

расположенной близ городка Бедериана (провинция Дардания, диоцез Дакция, префектура Иллирик). Его отца звали Савватий, сын же получил имя Петра Савватия. Родным языком Юстиниана была латынь. Его бездетный дядя Юстин I, волей судьбы ставший императором (518–527 гг.), вызвал племянника в Константинополь и усыновил его в 527 г. под именем «Юстиниан». С присоединением традиционного имени восточноримских цезарей «Флавий» полное имя теперь звучало как «Флавий Петр Савватий Юстиниан». В столице будущий император освоил греческий язык (стал билингвом), премудрости придворной службы, подготовился к государственной деятельности. В 524 г. он женился на Феодоре (около 500–28.06.548 г.), женщине ослепительной красоты, негибамой воли и недюжинного ума, оказавшей существенное влияние на его политику.

Юстиниан поставил целью создание универсального социума в границах единой империи с единой верой, единым законом (законодательством), единой формой частной собственности, единой формой семьи, единым языком, объединяющим людей, едиными правами для свободных граждан. Будучи непревзойденным реформатором VI в., Юстиниан вошел в историю родоначальником Средневековья¹, основоположником византийского и средневекового права, кодификатором римского права, зачина-

¹ Более детально данная концепция изложена в моих работах: О специфике инвариантной информации «Новелл Юстиниана». I. *Color Graecus*. 1 // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 45–59; О специфике инвариантной информации «Новелл Юстиниана». I. *Color Graecus*. 2 // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 63–85; О греческом языке дьятаксисов Юстиниана по поводу церковного обустройства в 535–565 гг. // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 20 сл.; Узловые проблемы византийского права // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 62 сл.; О проимиях дьятаксисов Аутентики // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2000. Ч. I. С. 20 сл.; О транслитерации дипсифов, монофтонгов и одинарных контоидов в Аутентике // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 322–325; Этацистские конъектуры или димотическая орфоэпия? // Судьба России: образование, наука, культура. Екатеринбург, 2000. С. 237–241; Проблематика незаконного второбрачия в реформируемом социуме по «Новеллам Юстиниана» // Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / Сост. А. В. Левитский. Екатеринбург, 2003. С. 302–353; Избранные новеллы Юстиниана / Вступительное слово Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия / Вводная статья, перевод и комментарий профессора, доктора исторических наук В. А. Сметанина / Научный редактор и автор предисловия профессор, доктор философских наук В. А. Алексеева. Екатеринбург, 2005. С. 10–166, 226–304; Юстиниановская программа перехода от гражданского противоборства к гражданскому примирению // Радуйся, заступнице усердная рода христианского. Материалы Всероссийской православно-научно-богословской конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2005. С. 253–264.

телем среднегреческого языка, реализатором идеи «постоянного законодательного процесса» (Nov. Iust., 2:10.15). Непостижимо деятельный, автократор разработал радикальную программу по реформированию общества, претворенную в жизнь с потрясающе глубокой самооценкой осуществленных деяний. Он провел множество реформ (аграрную, административную, церковную, военную и другие), считал себя «освободителем рабов». При нем был создан «Земледельческий закон» (вторая половина 535 г.). Юстиниан воссоздал огромную империю, в которой Средиземное море стало «ромейским озером», прославился градостроительством («чудо чудес» собор св. Софии; и др.), заметно ослабил социальное напряжение. Во внутренней политике (в том числе церковной) и дипломатии он ориентировался на концепцию симфонии, единения светской и церковной властей. Как православный философ-богослов, Юстиниан издавал множество эдиктов – о вере (15.03.533; 26.03.533; 6.06.533; 18.03.536 г. и др.), против «трех глав» (544, 551 гг.), о нетленности тела Христова, организовывал диспуты с монофиситами (зимой 532/533 г.), провел 2-й Константинопольский, или Пятый Вселенский, собор (5.05.–1.06.553 г.). К религиозным течениям и толкам (монофиситы, ариане, евномиане, македоняне, аполлинариане, несториане, евтихиане, оригенисты, феодосиане, гайаниты, акефалы, североариане, яковиты, дьякриномены, самаритяне, иудеи, манихеи, монتانиты) относился дифференцированно, боролся с остатками паганизма.

Спрашивается, достаточно ли этой или подобной констатации для того, чтобы оценить новаторство Юстиниана как государственного деятеля, раскрыть сущность его нововведений, оттенить новое в его многогранной деятельности? Что выдвигал автократор на первый план? Какова его стратегическая цель? На основе каких новаторских мер он хотел преобразовать общество? Ответы на такие вопросы можно найти только в «Новеллах Юстиниана». Василевс ромеев сумел выявить и осмыслить самое слабое звено в общественном устройстве, преобразовать отстающий компонент, сделать его ведущим, основополагающим, стержневым, опорным и тем самым подтолкнуть ромейский социум к модификации, преобразованиям и новым перспективам. Став императором, Юстиниан почти восемь лет (1.04.527–31.12.534 г.) мучительно искал способы разрешения возникших общественных коллизий. Но многое из того, что он делал, его уже не удовлетворяло. И только с 1.01.535 г. он начал радикальное преобразование социума, приступив к промультации своих новых дъятаксисов.

Таким образом, в целом деятельность Юстиниана следует подразделить на два периода – до и после (*ante et post*) 1 января 535 г. Автократор осознал, что общественное развитие сдерживается ущемленным статусом церкви и священства и что необходимо исправить такое положение с помощью реформирования сверху, со стороны императорской власти. Для осуществления задуманного потребовалось новое законодательство, воплощенное в «Новеллах Юстиниана», которое создавалось автократором в течение тридцати лет и трех месяцев и осталось, как и замышлял законодатель, незавершенным в соответствии с идеей непрерывного законотворческого процесса.

Эпоха римского права (21.04.753 г. до н. э. – 31.12.534 г. н. э.), начавшаяся с *Leges regiae*, с появлением «Новелл Юстиниана» (*Iustiniani novellae*) сменяется эпохой византийского права (1.01.535–29.05.1453 г.). В издании новых конституций Юстиниана I Великого, осуществленном в 1896 г. Р. Шеллем и Г. Кроллем, содержится 187 нормативных актов, из которых Юстиниану принадлежит только 177. Это объясняется тем, что Собрание 168 новелл, положенное в основу названной публикации, включает, помимо 158 дьятаксисов автократора, также четыре эдикта Юстина II (565–578 гг.) под № 140, 144, 148, 149, три конституции Тиверия II Константина (574–582 гг.) под № 161, 163, 164 и три предписания префектов претория под № 166–168. В то же время в Собрании 168 новелл попало несколько юстиниановских конституций, созданных до 535 г. – № 151 (16.12.533 или, лучше, 534 г.), 152 (1.06.534 г.), 155 (1.02.533 г.) и 160 (534 г.). Собственно же ко времени 535–565 гг. относятся 154 новеллы Юстиниана. В публикации Р. Шелля и Г. Кролля содержатся также два приложения: I. *Iustiniani XIII edicta quae vocantur* (p. 759–795) и II. *Appendix constitutionum dispersarum* (p. 796–803). Из 13 озаглавленных эдиктов Юстиниана в I приложении опубликован текст десяти, относящихся к 535–559 гг. Три другие новеллы опубликованы в основной части издания. Так, текст эдикта 1 включен в новеллу 8 и представлен на р. 78.18–80.11. Текст эдикта 5, идентичный тексту новеллы 111, издан на р. 521.6–523.12. Текст эдикта 6, идентичный тексту новеллы 122, издан на р. 592.18–593.12. Второе приложение включает 9 конституций Юстиниана, относящихся к 540–558 гг. В целом в издание 1896 г. вошло 173 новеллы автократора, созданные с 1.01.535 по 26.03.565 г. (154 – в Собрании 168 новелл, 10 – в первом приложении и 9 – во втором приложении). Юстиниановские

конституции 535–565 гг., вошедшие в Собрание 168 новелл, составлены на греческом (138 дьятаксисов) и латинском (16 дьятаксисов) языках. Все 10 новелл I приложения написаны по-гречески. Новеллы II приложения делятся на 2 греческих и 7 латинских. Из 173 новелл Юстиниана, созданных в 535–565 гг., на долю греческих приходится 150 конституций, на долю латинских – 23. Объем 173 новелл составляет 30049 строк, в том числе объем новелл I приложения – 2070 строк и II приложения – 644 строки. Объем новых конституций на греческом языке – 28277 строк, на латыни – 1772 строки. Греческий текст явно превалирует, составляя 94,1% (на долю латинского текста приходится 5,9%).

Считая церковь одним из самых важных, а именно основополагающих, компонентов формируемого общественного устройства, Юстиниан специально разрабатывал принципы обустройства духовных учреждений. 173 новые конституции в связи с этим можно подразделить на три группы. В первую входят новеллы, полностью посвященные осмыслению и решению церковной проблематики (36 конституций): 3, 5–7, 9, 11, 16, 37, 40, 43, 45, 46, 54–58, 65, 67, 76, 77, 79, 83, 86, 109, 111, 120, 123, 129, 131–133, 137, 146, 166 (App. II, 2), 167 (App. II, 3). 29 новелл из 36 составлены на греческом языке, 7 – на латыни (нов. 9, 11, 37, 65, 146, 166, 167). Время их составления – с 16.03.535 (нов. 3, 6) по 26.03.565 г. (нов. 137), иными словами, законодатель (автократор) держал в поле своего зрения назревшие вопросы в течение 30 лет. Ритмичности в создании конституций не наблюдается, и объясняется таковое тем, что Юстиниан стремился в первую очередь реагировать на самые важные, с его точки зрения, процессы. Из 36 новелл 25 были обнародованы в течение первого пятилетия (535–539 гг.), причем пик законотворческой деятельности пришелся на 535 г., когда было написано 8 конституций (нов. 3, 5–7, 9, 11, 16, 37). Тридцатилетний период включает 18 бесплодных лет (с 540 по 564 г. с перерывами), на период с 541 по 565 г. (с перерывами, которые в совокупности составили 8 лет) приходится лишь 11 новелл. Тем большую значимость приобретает текст конституций первого пятилетия, когда император обратил внимание на самые жгучие аспекты. Все новеллы четко датированы, кроме 77-й, которая не содержит датума (то есть времени и места написания текста)¹, но, если учитывать датировки, предложенные К. Э. Цахариэ фон Лингенталем

¹ К. Э. Цахариэ фон Лингенталь и Ф. А. Бинер датируют 77-ю новеллу по-разному: соответственно июнем 535 и 538/539 г. (см. об этом: Nov. Iust. P. 383. Nota 7).

и Ф. А. Бинсром, относится ко времени первого пятилетия и входит в число созданных в то время 25 конституций.

Свои новые дьятаксисы, в том числе касающиеся церкви, василевс ромеев адресовал конкретным должностным лицам, предписывая принять соответствующие меры для претворения в жизнь изложенных в новеллах законоположений. При анализе антропонимии названных 36 конституций следует иметь в виду, что каждая новелла автократора, с момента промугации, являлась официальным юридическим нормативным актом, воплощая действующее право, хотя в целом «Новеллы Юстиниана» представляли собой неофициальный и некодифицированный сборник правовых норм. Антропонимическая система имени в юстиниановскую эпоху состояла из четырех звеньев: личное имя (одинарное или бинарное), имя отца в именительном падеже, эпоним и, наконец, когномен. Однако в официальных документах (каковыми выступали конкретные новеллы) антропонимическая система имени не использовалась. Максимальная форма антропонимической формулы включала пять компонентов: религиозная формула; титул, звание, должность; личное имя; эпоним, когномен. Использование антропонимии, применение антропонимических формул зависело от общественного статуса различных лиц, и это дает возможность обратного интерпретирования. Можно исходить из характера антропонимической формулы для определения общественного статуса лица, если его социальное положение еще не было исследовано. Люди невысокого общественного ранга не получали прозваний, но чем выше находился человек по своему официальному положению, тем больше когноменов присоединялось к его имени (например, к имени Юстиниана – от десяти до пятнадцати когноменов). Самые частотные антропонимы олицетворяют тех лиц, которые имели наибольшее влияние в администрации. Тем самым антропонимия дает возможность представить тот круг деятелей, который и определял внутреннюю и внешнюю (в том числе церковную) политику Византийского государства. Инскрипции 36 названных дьятаксисов содержат имена 16 адресатов, которые перечисляются в данном случае от новеллы к новелле: Епифаний, патриарх Константинополя; Иоанн, патриарх Рима; Кателлиан, архиепископ Первой Юстинианы; Анфим, патриарх Константинополя; Саломон, префект претория Африки; Петр, архиепископ Иерусалима; Лонгин, эпарх города (Константинополя); Иоанн, эпарх преторов, экс-консул и патрикий; Мина, патриарх Константинополя; Юстиниан, ректор Ми-

зии; Феодот, эпарх преторов; Петр (Варсима), эпарх преторов; Петр (Патрикий), магистр священных оффиций; Аддэй, эпарх преторов; Ареовинд, эпарх преторов; Дациан, митрополит Бизация. Иоанну Каппадокийскому адресовано 8 новелл, Мине – 5, Епифанию – 4, по две новеллы – Петру Варсиме, Петру Патрикию и Дациану, остальным лицам – по одной конституции. В трех дъятаксисах из 36 инскрипция отсутствует (нов. 77, 86, 132). Претворяя в жизнь планы церковного обустройства, Юстиниан опирался на элиту светской и духовной администрации. Из 16 адресатов 9 – светские лица и 7 – духовные. Из 36 новелл 18 адресовано представителям светской администрации, 15 – церковной и три новеллы – без инскрипций. В целом первая группа дъятаксисов, полностью связанная с церковной проблематикой, составляет 20,2% от общего количества новых юстиниановских конституций. Количество строк 36 новелл составляет 6317, или 21% к общему числу строк (30049) 173 дъятаксисов.

Прескрипции (заголовки) 36 новых конституций позволяют (пусть на первый взгляд) очертить тот круг проблем, который волновал автократора, и расположить злободневную проблематику во временной последовательности: количество клириков (нов. 3, 16), вопросы монастырского обустройства (нов. 5, 76, 79, 133), хиротония (нов. 6, 137), проблема отчуждения церковного имущества (нов. 7, 40, 46, 54, 55, 65, 67, 120), римская церковь (нов. 9), привилегии церкви (нов. 11, 131, 166, 167), статус африканской церкви (нов. 37), об эргастириях великой церкви (нов. 43), отношение к иудеям (нов. 45, 146), отношение к самаритянам (нов. 45, 129), о религиозном культе (нов. 58, 111), отношение к еретикам (нов. 77, 109), статус клириков (нов. 56, 57, 83), о статусе епископа (нов. 83, 86), о вере (нов. 132). Наряду с дъятаксисами, посвященными конкретной теме, отображенной в прескрипции, имеется юссия, озаглавленная «О разных церковных важных положениях» (123:593.13–625.15) и датированная 1.05.546 г. Эта 123-я новелла вмещает множество тем и является наибольшей из всех конституций первой группы (ее объем – 1024 строки). Однако Юстиниан значительно сокращает размер дъятаксиса, если он содержит изложение какого-либо одного вопроса. Так, например, каждая из 19 новелл составляет менее 100 строк, причем 166-я конституция насчитывает лишь 30. Многотемье свойственно и 131-му дъятаксису «О церковных канонах и привилегиях». И в 123-й и в 131-й новеллах вновь поднимается проблема отчуждения церковной собственности, так что количество кон-

ституций, обсуждающих названный вопрос, увеличивается до 10, с учетом восьми, подчеркивающих тему в прескрипциях: «О том, что церковные вещи не отчуждаются, не обмениваются и не отдаются под отдельный залог заимодавцу, но он довольствуется общими залогами» (7:48.6–12), «О том, чтобы церковь святого Воскресения продала строения, расположенные в этом городе» (40:258.15–18), «Об отчуждении и оплате церковного недвижимого имущества, кроме церковного недвижимого имущества в Константинополе» (46:280.2–6), «...И о том, чтобы всякой часовне или другому благочестивому месту разрешить равным образом совершать обмен недвижимого имущества, со вступлением в силу (данного) постановления» (54:306.4–8), «Об обмене церковного имущества и эмфитевсисе» (55:308.20–21), «Об отчуждении имущества церковей Мизии, предназначенного для выкупа пленных и содержания неимущих» (65:339.2–3), «...И о продаже церковных недвижимых имуществ» (67:344.8–10), «Об отчуждении и эмфитевсисе церковного имущества» (120:578.2–4).

Упомянутая 123-я конституция, третья по объему из 173 новелл (нов. 22–1519 строк, нов. 8–1136 строк и нов. 123–1024 строки), содержит 44 главы, адресована Петру, магистру священных оффиций (123:593.18–19) и послана также Петру, эпарху преторов (123:625.15). Несмотря на внушительную величину текста, 123-й дьятаксис не представляет собой нечто законченное, завершенное, итоговое, что исключалось самым характером новых юстиниановских конституций. Однако в данной юссии затронуты множество аспектов церковного обустройства – хиротония (гл. 1–4, 12, 14, 15, 18), синифия (гл. 16), опекунство (гл. 5), сдача в аренду (гл. 6), о взаимоотношениях суда и епископа (гл. 7, 8), о передаче имущества в пользу церкви (гл. 16), о запрещении епископам оставлять вверенные им церкви (гл. 9), о возрастном ограничении при вступлении в состав клира (гл. 13), о пекулиях (гл. 19), о лжесвидетельствах (гл. 20), об исках (гл. 21), о спорах (гл. 22, 23), о запрещении беспокоить епископов и клир в связи с их местожительством (гл. 26), о запрещении клиру участвовать в светских развлечениях (гл. 10), о запрещении епископам и священникам отделять что-либо от святого подаяния (гл. 11), об условиях вступления в состав клира (гл. 15), об условиях вступления раба или энапографа в состав клира (гл. 17), о запрете духовным лицам иметь в доме какую-либо чужую женщину (гл. 29), об условиях вступления в монашество (гл. 35), об условиях вступления в монас-

тырь при наличии детей (гл. 38), о помолвке, залоге, уходе в монастырь жениха или невесты и последствиях (гл. 39), вопрос о родителях, детях и монашеской жизни (гл. 41) и многие другие. Такой же характер носит и конституция 131 от 18.03.545 объемом в 301 строку (131:654.15–664.29), адресованная Петру, епарху преторов (131:654.18–19) и состоящая из 15 глав. Ее прескрипция гласит: «О церковных канонах и привилегиях». В дьятаксисе, например, изложен тезис о соблюдении канонов четырех Вселенских соборов – Никейского 325 г., 1-го Константинопольского 381 г., Эфесского 431 г. и Халкидонского 451 г. (гл. 1), устанавливается, что константинопольский патриарх занимает второе место после папы римского (гл. 2), раскрываются привилегии архиепископа Первой Юстинианы (гл. 3) и епископа Юстинианы Карфагенской в латинской Африке (гл. 4) и решаются многие другие вопросы. Отмеченное подтверждает мысль о том, что автократор счел необходимым изложить привилегии, дарованные церкви, в одном дьятаксисе. Следовательно, новеллы 123 и 131 отличаются от прочих конституций Юстиниана бóльшим охватом церковной проблематики. Два названных дьятаксиса представляют собой основу преобразований императора в церковной сфере, если не забывать при этом тематику первых восьми конституций, отразивших самые насущные потребности тогдашней церкви.

Вторая группа новелл лишь частично посвящена церковному обустройству. Многократно обращаясь к тому или иному аспекту, автократор учитывал запросы времени и вносил коррективы, присоединяя их к очередному дьятаксису. Возвращение законодателя к конкретной проблеме – не только показатель ее актуальности и сложности, но и свидетельство заинтересованности императора найти самый оптимальный вариант разрешения возникших сомнений. Многочисленные дьятаксисы второй группы можно разделить на три разряда. К первому относятся те новеллы, в которых вопросам церковного обустройства отведена какая-то часть текста (например, нов. 22). В дьятаксисах, относящихся ко второму разряду, встречаются спорадически некоторые сведения о церкви с приложением оценки и новых мер василевса ромеев (например, нов. 14). Наконец, в конституциях, причисляемых к третьему разряду, о церкви повествуется скрытно, завуалированно, имплицитно, но тем не менее такие предписания содержат обильную информацию для уяснения ситуации в церковной сфере (например, нов. 171).

Третью группу дьятаксисов образуют те, которые не содержат никаких сведений о церковном обустройстве (например, нов. 10), но все же должны приниматься во внимание, поскольку отражают некоторые положения христианского мировоззрения автократора.

Приступая к анализу содержания 36 конституций, следует заметить, что Юстиниан в первой из них (нов. 3) поставил вопрос о количестве духовных лиц в церковных учреждениях. Адресованная патриарху Епифанию, 3-я новелла (3:18.5–24.6) от 16.03.535 г. (дата в Аутентике – 1.04.535 г.) объемом в 239 строк (объем проимия – 68 строк) появилась вскоре после 1-й конституции от 1.01.535 г. Прескрипция 3-й конституции гласила: «О том, что установлено количество клириков святейшей великой церкви и других святейших монастырей блаженнейшего <этого города>» (3:18.5–11). Причины особого внимания к затронутой проблеме автократор обстоятельно обосновал в проимии: «С одной стороны, мы нашли форму общего и универсального закона как для твоего святейшества, так и для других святейших патриархов, представившего в письменном виде нормы относительно рукоположения непорочных епископов и богобоязненнейших клириков и женщин, по крайней мере дьяконисс, и относительно того, что немногие оказываются рукоположенными вследствие изначального ограничения, которые (нормы), нам казалось, заключают в себе подобающее, должное и достойное священных канонов. С другой стороны, мы письменно сообщаем твоему святейшеству собственный настоящий закон, устанавливая нормы относительно количества здешних богобоязненнейших клириков. Поскольку же добро в безмерном количестве почти ничего не стоит для них, необходимо, чтобы по возможности рукоположения богобоязненнейших клириков и богобоязненнейших дьяконисс не стали бы такими многочисленными, пока из-за расходов на них святейшая церковь не очутилась в нужде вследствие огромных займов и мало-помалу не пришла в крайнюю бедность. Ведь мы видим, вследствие такого предлога, что святейшая великая церковь царственного этого города, мать нашей империи, обеспокоена огромными долгами и не смогла вообще произвести любую выплату денег богобоязненнейшим клирикам, прежде чем не было взято займы золото в надлежащем количестве, совершая, с одной стороны, залоговые сделки, с другой – предоставляя для обеспечения свои прекрасные деревни и предместья. По этой причине мы одновременно увидели, что они сами обратились к исследованию печального обстоятельства

и узнали, с одной стороны, какой характер раньше оно имело, с другой – в течение какого времени оно себя проявило. Исследуя поэтому данное во всех отношениях, мы находим, чтобы каждый из построивших священнейшие церкви в блаженнейшем этом городе позаботился не об одном только сооружении, но и о том, чтобы было предоставлено достаточно сильное снабжение храмам, исполненным благодати и возникшим от его имени, и чтобы он установил, сколько необходимо предложить священников в каждую церковь, сколько также дьяконов и дьяконисс, сколько как иподьяконов, так и, в свою очередь, певчих и чтецов, и привратников. И для этого он и установил расход храма и передал собственный доход, достаточный тем, которые поселяются возле него; если же кто-либо добавил бы количество (клириков), то его (доход) совершенно уже невозможно растянуть (на всех). И такие именно предохранения сохранились надолго, и было это всегда, и оставалось все необходимое своим собственным (клирикам) святейших церквей. Поскольку же боголюбвейшие епископы, всегда привлекающие внимание застенчивостью некоторых из них, предались множеству рукополагаемых, увеличилось, с одной стороны, количество расхода в большой несоразмерности, с другой – ростовщики со всех сторон и проценты, и даже не ростовщики в конце концов, вследствие ненадежности с этих пор дела, но продажи, принудительные и противозаконные, и дела непристойные и не достойные благочестивого, принадлежащего частному лицу жилища. Поэтому вследствие такой нелепости ни деревьям, ни проастиям не обладать в достаточном количестве ипотеками и залогами, не находить для этого заимодавцев, но прийти в крайнюю бедность и не в состоянии дать пропитание тем, кто совершает богослужение, направить же дело по самому жалкому из путей, (причем) заимодавцам – лишение всего сущего. И говоря такое, мы медлим и, что бы ни случилось, заранее обдумываем. Ведь если кто-либо не мог мягко направить того, кто расточает сверх существующего у него состояния, то как и нам не должно обдумать нормы об этом? Ибо не нужно стремиться к расходам и приобретениям (так как это приводит к ненасытности и вместе с тем к нечестивости), но живущим соизмерять также и расходы. Вот почему мы надлежащим образом установим положения относительно этого и изгоним неопределенность, предоставляя дело подобающему исцелению» (3:18.14–31; 19.1–42; 20.1–8).

Максимальное количество причта (525 клириков) автократор установил для храма св. Софии в Константинополе: «Итак, мы постановляем,

чтобы в святейшей великой церкви было не более шестидесяти пресвитеров, дьяконов же сто и сорок дьяконисс, а также девяносто иподьяконов, чтецов же сто десять и певчих двадцать пять, так что общее число богобоязненнейших клириков (святейшей) великой церкви составляет четыреста двадцать пять лиц и к тому же еще сто так называемых привратников. Пусть же будет в святейшей великой церкви этого нашего блаженного города и трех благотворительных учреждений, объединенных с ней, именно такое количество клириков, чтобы ни один не был удален из нынешних, даже если бы число оказалось гораздо бóльшим по сравнению с предписанным нами, чтобы, с другой стороны, никто в будущем не был присоединен к каждой нынешней тагме, пока должная мера не приблизилась бы к этому числу» (3:21.3–19).

С целью пресечь произвольное увеличение числа клириков автократор ввел законоположения о периттевондах и эллипондах.

Периттевонды (греч. *οι περριτεύοντες* – те, кто превосходит числом) – лишек причта по сравнению со статутом о метроне хиротоний. Термин введен в 16-м дьятаксисе Юстиниана I Великого (Nov. Iust. 16:116.30) от 13.08.535 г. и упоминается только один раз в единственной главе новеллы, хотя о практических действиях церкви, связанных с периттевондами, повествуется во многих периодах дьятаксиса (16:115.20–24; 116.2–7, 18–23, 26–37). Тем самым юридически был закреплен институт периттевондства. Конститутивной правовой нормой в сфере хиротонии и хирофесии стало «сокращение» (16:116.3) данных обрядов. После установления численности периттевондов должная норма причта восполняется не с помощью хиротонии и хирофесии, но приглашением клириков тех церквей, где наблюдается превышение их числа. Одновременно церкви предписывается отказаться от излишних расходов «до некоторого среднего и терпимого количества» (16:116.5–6). В результате внедрения практики периттевондства «святейшая великая церковь мало-помалу освободится от задолженностей» (16:116.32–34). Численность периттевондов превзошла все разумные и допустимые пределы, так что данная проблема оказалась в числе первоочередных, которые пытался решить автократор. Он не тешил себя иллюзиями и скорыми ожиданиями, понимая, что «пройдет долгое и нескончаемое время, пока не уменьшится всяческий излишек» (16:116.36–37). Возрастание числа периттевондов происходило быстро и стало угрожающим для естества церкви. Бесконтрольный процесс рукопо-

ложений и руковозложений «вследствие расточительности, совершаемой священнейшей церковью» (16:117.6–7), наносил ей «ущерб» (16:117.8). Ном об ограничении хиротоний дался василевсу ромеев нелегко. Он пришел к нему в результате напряженных поисков, «блуждая всякими путями» (16:116.7–8). Во многом затруднения Юстиниана объяснялись тем, что на патриаршем престоле находился Анфим I, один из известных монофиситов, которого поддерживала супруга автократора императрица Феодора. Ко времени патриаршества Анфима I можно отнести, с некоторыми допущениями, 15 новелл Юстиниана из 173 (14–16, 18, 23, 28, 29, 37, 38, 138, 139, 148, 156, 161 и 163), но только в 16-м дьятаксисе в качестве адресата назван Анфим I. Он сменил на патриаршем престоле Епифания (ум. 5.07.535), но уже 3.03.536 г. римский папа Агапит, прибывший в Константинополь 20.02.536 г. и потребовавший низложить Анфима I, посвятил (по предложению Юстиниана) в патриархи выбранного Агапитом Мину (3.03.536 г.). Новый патриарх Мина созвал Константинопольский собор (2.05–4.06.536), который предал Анфима I (и других монофиситов) анафеме. Юстиниан утвердил это постановление 6.08.536 г. Отлученного Анфима императрица приняла в свой дворец Гормисды, где он тайно пребывал до смерти Феодоры (28.06.548). За все время от Епифания до Мины Юстиниан адресовал Анфиму I только одну новеллу от 13.08.535 г., спустя чуть больше месяца после восшествия Анфима на патриарший престол. За какой-то месяц Анфим I настолько умножил ряды поборников монофиситства, что это встревожило василевса ромеев. Юстиниан сумел тщательно разобратся в антураже и осознал, что инициатива исходит от Анфима I и верных ему церквей. поэтому автократор разработал «закон о предельном количестве рукоположений и о том, чтобы те, которые устремились достигнуть этого, не состояли ни при святейшей великой церкви блаженного города, ни при других (церквах): именно это является законом, и мы предписываем твердо держаться повсюду его смысла» (16:115.28–31; 116.1–2). Константинополь стал серьезной опорой монофиситов. Конечно, уже невозможно было отменить действие совершенных хиротоний и хирофесий. Но сократить число рукоположений и руковозложений (а фактически приостановить на «долгое и нескончаемое время») оказалось императору вполне по силам. Прервав замыслы Анфима I, Юстиниан попутно рассчитывал на возрастание поддержки его политики со стороны тех церковных кругов, которые были недовольны участвовавшей практикой хирото-

ний и хирофесий, что приводило к «задолженностям». Наконец, автократор хотел снизить объем денежных поступлений в Константинопольскую церковь от обряда возведения в священнический сан и обряда посвящения в церковнослужители, ибо эти средства поступали в распоряжение монофиситского руководства. Поскольку разрастание причта происходило при Анфиме I, то периттевонды являлись прозелитами нового патриарха. Их сосредоточение в наиболее известных церквах могло ослабить позиции императора, который в качестве противодействия, с целью разъединения адептов Анфима I, предложил новый, закрепленный законом вариант: отныне «постоянно будет происходить замена отсутствующего тем, кто является лишним» (16:116.30–31). Тем самым 16-я новелла и институт периттевондства приобрели антимонофиситскую направленность.

Эллипонды (греч. *οἱ ἐλλείποντες* – те, кого не хватает) – те, кого недостает до установленной нормы причта. Термин встречается в 16-й новелле Юстиниана (Nov. Iust. 16:115.26; 116.30–31). Собрание дьятаксисов, созданных с 1.01.535 по 26.04.565 г. и получивших название «Новелл Юстиниана», включает 173 сохранившиеся новые конституции. Под номером 16 в этом собрании фиксируется новелла, которая была написана ранее 13-й и 14-й конституций, следовательно, ее правильнее считать 14-й по времени появления, что подчеркивает актуальность ее создания. 16-я новелла составляет по объему 61 строку (16:115.20–117.10). Греческий текст дьятаксиса датируется 13.08.535 г. Идентичную датировку (никакой разбежки в датировании нет) содержит и «параллельная» новелла Аутентики (перевод на латынь не сохранившегося варианта греческого текста). 16-я новелла включает восемь компонентов: номер дьятаксиса, заголовок (в котором уже встречается термин «эллипонды»), интитуляцию, инскрипцию, проимий (предисловие), главу I (количество глав ограничено одной), послесловие и датум (время и место написания акта). Иначе говоря, все компоненты юстиниановской новеллы налицо. Обращает на себя внимание лишь минимальное количество глав. Первые семь составных частей написаны на греческом языке, 8-я – на латыни (поскольку в ходу был римский календарь). Судя по интитуляции, автором дьятаксиса является Юстиниан, который адресовал новеллу патриарху Анфиму I (535–536), поручив ему «предоставить делу и воплощению представленные... нормы ради пользы священнейших церквей» (16:116.38–39; 117.1). Упомянув эллипондов в заголовке дьятаксиса «О том, что клирики переходят из одной церкви в дру-

гую в соответствии с установленным числом эллипандов» (16:115.20–24), автократор придает особую вескость словосочетанию «установленное число» (16:115.23–24). В главе I василевс ромеев просит «обратить внимание» адресата на численность клириков (16:116.17–18), при этом критерием ее оценки является «первоначально установленный так называемый статут» (16:116.20–21), все варианты несоблюдения которого с необходимыми адекватными последующими действиями церкви или обители и рассматриваются в данной главе: «Ибо мы постановляем, если действительно в каких-либо из священнейших церквей, управление которыми и расходы которых приняла на себя эта священнейшая великая церковь, случилось бы, что умерли священник или дьякон, или чтец, или певчий, не приглашать к себе тотчас же другого со стороны, но обратить внимание на то, каким в это время является предельное количество тамошних богобоязненных священнослужителей, совершающих богослужение. И если должная норма священнослужителей не только еще не стала меньше, но к тому же она превосходит весьма первоначально установленный так называемый статут, то не совершать никакой хиротонии ради этого, пока число не смогло бы стать исходным. Если же количество сократилось, значит, есть необходимость, чтобы был приглашен другой священнослужитель вместо умершего, чтобы твое святейшество позаботилось о том, что если в других церквях при священнейшей великой церкви оказался бы лишний от установленного количества священнослужитель, то оттуда назначить другого, но не совершать новую хиротонию. Ибо таким образом, когда постоянно будет происходить замена отсутствующего тем, кто является лишним, сложится хорошая и удобная Богу соразмерность в деле, и тогда священнейшая великая церковь мало-помалу освободится от задолженностей. Если после того, как нехватка была восполнена заменами извне, избыток же не убавился, пройдет долгое и нескончаемое время, пока не уменьшится всяческий излишек» (16:116.12–37). Осмысливая текст и затекст дьятаксиса, следует подчеркнуть, что им был введен и закреплен институт эллипандства. Церковь обязывалась контролировать количество клириков. Необходимо было стремиться к норме, уже установленной статутом, который ограничивал численность клира. Но даже уменьшение числа духовных лиц по сравнению со статутом не открывало доступа к хиротонии и хирофесии, которые становились незаконными даже в таком случае. Ибо предлагался единственный способ восполнения причта – приглашение клириков со

стороны, из других церквей, где количество клира превышало должную норму. «Пройдет долгое и нескончаемое время, пока не уменьшится всякий излишек» (16:116.36–37), иными словами, на такой затяжной срок прекращались как хиротония, так и хирофесия. Предложенная практика замены эллипидов сокращала количество причта, уменьшала расходы храмов, приводя к освобождению от задолженностей, и становилась компонентом всеобъемлющей церковной реформы Юстиниана I Великого. Промульгация 6-го дьятаксиса прерывала интенциональные злоупотребления, перечисленные в новелле, стимулировала возрастание коакционного эффекта, снимала контрарные и контрадикторные коллизии в межхрамовых отношениях, умножала естество клира и материальный потенциал духовных учреждений.

Разрабатывая правовые нормы о периттевондах и эллипиддах, Юстиниан заново осмыслил проблематику и практику хиротонии и хирофесии.

Хиротония (греч. *χειροτονία* – придание силы руками) – (1) священнодейственный акт таинства священства (2) с целью возведения в священнический сан (3) через рукоположение. Три названных признака позволяют отличить хиротонию от тех номенов и терминов, которыми обозначаются возведение в сан и производство в должность и частотными из которых являются (в порядке русского алфавита) возведение в сан, интронизация, креация, ординация, посвящение, поставление, производство в должность, проручество, прохирисис, руковозложение, рукоположение, священство, сукцессио апостолика, таинство священства, хиротесия, хиротония, хирофесия, энфронисис, эпифесис. Хиротония является именно актом таинства священства, а не обычным церковным обрядом, ибо избранному на соответствующую степень священства преподается благодать Св. Духа. Вследствие этого номен *τελετή* (обряд) не подходит для дефиниции хиротонии, обесценивая определения, подобные такому: «Хиротония – церковный обряд, по которому мирянин рукополагается в дьякона или клирик на более высокую степень»¹. Термин «хиротония» происходит от греческих слов *χειρ* – рука и *τονόω* – придавать силу. Он более позднего происхождения по сравнению с термином «хирофесия». Первоначально появлялись глагольные формы (Числ. 8:10;27:18–23, где используется гла-

¹ *Τεγόπουλος-Φυτράκης. Ειρημ. εγγ. Σ. 847.*

гол *ἐπιτίθημι* – возлагать) и только позже – формы существительного (1 Тим. 4:14; 2 Тим. 1:6, где приводится термин «возложение рук» – *ἐπίθεσις τῶν χειρῶν*). Иногда словосочетание «возложение рук» передается в Библии неправильно как «рукоположение» (2 Тим. 1:6). Термин «хиротония» сначала появляется в причастной форме (Деян. 14:23, *χειροτονήσαντες* – рукоположив). В значении «поставляться» использовался и глагол *καθίσταμαι* (Евр. 8:3). Таинство священства, как одно из семи церковных таинств, имеет три признака, свойственные любому таинству: богоучрежденность, видимый образ совершения и нисхождение невидимой благодати. Согласно православному вероучению, таинства – богоучрежденные священные действия, в которых под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать Божия. Тем самым таинство существенно отличается от обряда (и соответственно – хиротония от хирофесии), ибо обряд имеет церковное, а не божественное происхождение и призывает благословение Божие, но не сообщает человеку благодать Божию. Важнейшими условиями совершения таинств являются действительность (правильное совершение таинств) и действенность (готовность верующего принять таинство). Священство, как принадлежность к священному, духовному сану, имеет три степени: епископа (высшая степень, когда рукоположенному сообщается благодать в наибольшей мере и ему предоставляется возможность совершения всех таинств), пресвитера, или священника (рукоположенный обретает благодать в несколько меньшей мере и совершает все таинства, кроме таинства священства и освящения мира и антиминсов), и дьякона (третья степень, с наименьшей благодатью и невозможностью совершать таинства). Посвящение в степень священства совершается именно через хиротонию. Рукополагать в священники и дьяконы может только епископ. Рукоположение же во епископа совершается собором епископов (числом не менее двух). Хиротония, как посвящение на одну из степеней священноначалия, занимала Юстиниана I Великого и как государственного деятеля, и как богослова. Из 173 новых конституций, созданных с 1.01.535 по 26.03.565 г., автократор посвятил теме хиротонии несколько новелл (13, 16, 123, 137), причем 137-я («О хиротонии епископов и клириков») оказалась самой последней из известных нам конституций василевса ромеев (ее промульгация и датум приходится на 26.03.565 г.). В ней император излагает квинтэссенцию своих воззрений на хиротонию. К этой проблеме автократор обратился в самый первый год

издания новых дьятаксисов (Nov. Iust. 16:115.20–117.10, от 13.08.535 г.), подчеркнув: «Если должная норма священнослужителей не только еще не стала меньше, но к тому она весьма превосходит первоначально установленный так называемый статут, то не совершать никакой хиротонии ради этого, пока число не смогло бы стать исходным» (16:116.18–23). Юстиниан поощрял передачу имущества рукоположенного во епископы в пользу церкви: «Если все же какой-либо из епископов, перед собственной ли хиротонией или после хиротонии, пожелал бы собственное имущество или часть его преподнести той церкви, от которой он получает священство, мы не только не препятствуем и даже предписываем настоящим законом, что он свободен от всякого штрафа и наказания, но и считаем (подобное) достойным всяческой похвалы, поскольку это есть не покупка, а подношение» (123:597.1–8). За стяжательство при возведении в сан виновного в подобном корыстолюбии, согласно дьятаксису Юстиниана, «наказывают тройным количеством от его имущества, даже если он передал его церкви» (123:598.23–24). Юстиниан упоминает и тех, которые «и хиротонию признают наказанием и считают, что нет никакой цены императорским символам» (13:100.12–14). Разрешение проблем, связанных с хиротонией и другими аспектами церковного бытия, должно было послужить, по замыслу императора, дальнейшему возвышению церкви (см., например, 16:116.10–11).

Хирофесия (греч. *χειροθεσία* – руковозложение) – (1) церковный обряд (2) с целью посвящения в церковнослужители (3) через руковозложение. Термин «хирофесия» (иногда транслитерируется как «хиротесия») происходит от греческих слов *χειρ* – рука и *τίθημι* – возлагать. Глагол *ἐπιτίθημι* (Числ. 8:10; 27.18,23) постепенно был заменен существительным *ἐπίθεσις* (1 Тим. 4:14; 2 Тим. 1:6). «Эпифесис» – самый начальный номен для обозначения хирофесии. И поскольку недопустимо смешивать хиротонию и хирофесию, то в дефиниции хирофесии вряд ли является корректным использование номена «прохирисис» (ибо *προχειρίσις* = *χειροτονία*)¹: «Хирофесия – рукоположение (*προχειρίσις*) в церковное достоинство с возложением рук епископа»². Хиротония связана со священнодейственным актом таинства священства, а хирофесия является церковным обрядом без нисхождения благодати Божьей, иначе говоря, церковнослужители – ипо-

¹ *Αυτόθι*. Σ. 651.

² *Αυτόθι*. Σ. 846.

дьяконы, псаломщики (дьячки) и пономари – поставляются на низшие служебные должности только по архиерейскому благословению. В разное время и в разных странах в состав церковнослужителей (*ὑπηρέται, κληρικοί* в узком смысле) входили иподьяконы, псалты, анагносты, аколуфы, экзорцисты, остиарии, копиаты, экдикы, нотариы, дефенсоры. Низшие служители в Русской православной церкви ранее назывались причетниками. Каждый из последних входил в состав причта церкви. Однако первоначально в причт не включался священник. Длительное время на Руси церковнослужителей не относили к духовным лицам. Петр I (царь с 27.04.1682 г., император с 22.10.1721 г.) обязал их брить бороды. Когда в 1722 г. были введены духовные штаты, оказалось, что на 100–150 приходских дворов приходилось два причетника. Соотношение же священнослужителей и церковнослужителей (причетников) одного прихода было 1:2. В Византийской империи власть через законодательство автократора устанавливала численность причта и соотношение священно- и церковнослужителей. В новелле 3-й василевса ромеев Юстиниана I Великого, промюльгация которой состоялась 16.03.535 г., установлено количество низших служителей в Храме св. Софии (Nov. Iust. 3:21.3–5, 7–8, 11–19). Из общего количества причта Храма св. Софии в 525 служителей на долю церковнослужителей приходилось, согласно дьятаксису, 325. Сохраняя действующий причт, Юстиниан предлагал лишь ограничить число посвящений через рукоположение и руковозложение до той поры, пока должная норма клириков не стала бы исходной (16:116.16–23). В новых конституциях Юстиниана проблема хиротонии и хирофесии исследовалась и находила решение в течение тридцати с лишним лет (с 13.08.535 по 26.03.565 г.), и своеобразным итогом такой законодательной деятельности стала новелла 137 (137:695.1–699.27), в которой автократор осмыслил названную тему не только в практическом, но и в философско-богословском отношении.

Юстиниан I Великий подготовил и обнародовал специальное законоположение об ограничении рукоположений – статут о метроне хиротоний.

Название статута приведено в 16-й новелле автократора – «О метроне рукоположений» (Nov. Iust. 16:115.28–29). В той же «новой конституции» василевс использовал термин «ном» (16:115.28), то есть «закон», для обозначения статута. Поскольку инвариантное значение слова «метроне» не приводится в словарях, лучше использовать данный греческий номен в транслитерации русскими графемами. В самом деле, в 16-м дьятаксисе метроне исполь-

зуются в значениях «предельное количество» (16:115.28–29), «должная норма» (16:116.19), «(предельное) количество» (16:116.17). В качестве замены данного номена выступают «арифмос» – число, количество (16:116.22), «плифос» – количество, численность, число (16:116.23), «тагма» – установленное количество (16:116.28), «статутос арифмос» – установленное число (16:115.23–24), наконец, встречается слово *συμμετρία* – соразмерность (16:116.32) с корнем, идентичным корню слова «метрон». Если привести даже основные значения номена «метрон» (мера, величина, определение, мерило, критерий, объем, надлежащая степень, размер, измерение, граница, предел), то эта полисемия вряд ли поможет определить суть предложенного василевсом названия нома. Для этого необходимо изложить резюме акта, который, по словам Юстиниана, составлен «недавно» (16:115.28). Такого закона не было раньше, даже в измененной форме (16:116.9), по словам императора. Данный ном «в состоянии еще более возвысить святейшую великую церковь» (16:116.10–11). Автократор обращает внимание на то, что существует первоначально установленный статут, которого следует придерживаться (16:116.20–21). Если число священнослужителей превосходит статут, хиротонии не совершать (16:116.19–22). Если число священнослужителей ниже статута, приглашать другого клирика вместо умершего, причем из той церкви, где число священнослужителей превышает норму, но не совершать новую хиротонию (16:116.23–30). Учитывая предельное количество клириков (16:116.17–18), исключить практику немедленной замены умершего священнослужителя другим путем хиротонии (16:116.16). Церкви следует снизить издержки (16:116.6–7) и отказаться от превышения расходов (16:116.4–6). При такой практике церковь освободится «мало-помалу» от задолженностей (16:116.32–34). Император подчеркнул, что тот, кто стремится достигнуть хиротонии, не должен состоять ни при Константинопольской церкви, ни при других церквях (16:115.29–31; 116.1). Основным положением статута является заявление автократора: «нашей целью является ограничение хиротоний» (16:116.3–4). Тем самым содержание нома позволяет предложить такой перевод его заголовка: «Об ограничении рукоположений». При этом учитывалось и значение слова «метрон» как «граница, предел». Упоминание в тексте новеллы анагностов (чтецов) и псалтов (певчих) (16:116.15), кроме пресвитеров и дьяконов (16:116.14–15), доказывает, что василевса ромеев волновали как издержки хиротонии, так и практика хирофесии, причем по-

следнее не нашло отражения в названии нома. Конкретная должная норма клириков (священнослужителей и церковнослужителей) и назиреев ни в номе об ограничении хиротоний, ни в 16-м дъятаксисе не указана, ибо она, будучи общеизвестной, зафиксирована как «первоначально установленный так называемый статут» (16: 116.20–21). Юстиниан прибегнул к латинскому слову *statutum* (положение), передав его греческими графемами с соответствующим греческим окончанием среднего рода (16:116.21). Следуя принципу не повторять в новом дъятаксисе хорошо известные правовые нормы, василсвс ромеев счел необходимым разъяснить в 16-й новелле порядок замены умерших священнослужителя или церковнослужителя в связи со вступлением в юридическую силу статута «Об ограничении рукоположений», что было обусловлено назревшей практической потребностью. На деле автократор прокомментировал статут, не допуская дисемантического или иного толкования. В 16-й новелле была также обоснована необходимость введения статута об ограничении хиротоний и хирофесий. Простатевтическая по отношению к церкви новая конституция Юстиниана вводила измененный порядок взаимоотношений не только между храмами-лимитрофами, но и между всеми церквами и обителями без исключения.

Конкретно складывающаяся практика хиротонии и хирофесии побудила Юстиниана выразить свое принципиальное отношение к суффрагию и синифии.

Суффрагий (греческая форма – *δοσις χρυσίου*, то есть «дача золота», лат. *suffragium* -- поддержка) – узаконенная в византийском праве взятка лицу, от которого зависело назначение на административный пост, возведение в священнический сан или производство в должность церковнослужителя. Различались суффрагий светскому чиновнику и суффрагий духовному лицу. За обретение любого поста, сана или должности необходимо было по закону внести две суммы: так называемый «обычай», то есть плату за диплом на должность, и «суффрагий». Проводя административную и церковную реформы, Юстиниан был поражен разгулом бесстыдной продажи мошенниками государственных и церковных должностей: «Сколько же нечестивого и подобного ему происходит из-за этих воров по поводу уплаченного надлежащим образом? Ведь именно представители местной власти, обращая внимание на доход, оставляют без внимания, с одной стороны, многих из ответственных лиц, сбывая им противозаконную наживу,

с другой – многих из невинных осуждают, чтобы они преподнесли ответственным лицам... И есть в целом некая одна такая причина всех зол, а именно прежде всего вымогательство является началом и концом всякого коварства. Существует же и вот такое удивительное и самое истинное из божественных изречений, что сребролюбие есть мать всех зол и особенно, когда оно свойственно душам властных лиц, а не простых людей. Ибо кто не смог бы воровать в безопасности, кто же не смог бы пограбить без всякой ответственности, взирая на власть и видя, что она все продает за золото, и твердо веря, что если бы он совершил абсурдное, то искупит это, предоставив деньги. Отсюда и человекоубийства, и прелюбодеяния, и нападения, и ранения, и похищения девственниц, и расстройства празднеств, и презрение к законам и властям, когда все считают, что они продажны, словно некий из самых подлых рабов. И не хватит ли нам обдумывать и рассказывать, насколько тяжело становится также и вследствие воровства местных властных лиц, когда никто не решается открыто их порицать, когда те прямо с самого начала предложили откуп деньгами» (Nov. Iust. 8:66.6–12, 21–42). Юстиниан начал беспощадную борьбу с коррупцией. Из 173 сохранившихся новых конституций автократора две содержат программу искоренения продажности должностных лиц. Они относятся к числу самых обширных дьятаксисов, уступая только 22-й новелле. 8-я конституция, под названием «Предписание о том, чтобы властные лица пребывали без какого-либо суффрагия», содержит 1136 строк (8:64.5–91.13) и датирована 15.04.535 г. Через 11 лет появился второй дьятаксис, озаглавленный «О разных церковных важных положениях», объемом в 1024 строки (123:593.13–625.15) и с датировкой 1.05.546 г. В этих новеллах содержится терминология, относящаяся к суффрагию: *δοσις χρυσίου* (123:596.18–19), *suffragium* (8:65.14). 8-я новелла посвящена проблеме светского суффрагия, а 123-я – судьбе суффрагия духовным лицам. Дьятаксис 8-й запретил взимание суффрагия при назначении на светскую должность и установил конкретную таксу на «обычай». Были разработаны разнообразные практические меры для пресечения коррупции. Они имеют непреходящее значение для всех эпох, народов и администраций. Василевс ромеев вскрыл причины коррумпированности чиновничьего аппарата, нарисовал ужасающую картину вымогательств и подкупа взятками, привел в систему свои всесторонние наблюдения и предоставил в системном виде всю совокупность действий в противоборстве с продажностью администрации. Че-

рез 11 лет Юстиниан 123-й новеллой от 1.05.546 г. запретил взимание суффрагия и церковным лицам: «Прежде же всего мы предписываем соблюдать то, чтобы ни один епископ не рукополагался с помощью дачи золота или другого достояния» (123:596.17–19). Представляется достаточно интересным то обстоятельство, что автократор разделил во времени решительные меры по отмене суффрагия в светской и духовной административных сферах.

Синифия (греч. *συνήθεια* – обычай) – 1) плата за диплом на должность, исчисляемая по доходности поста и 2) плата за возведение в священнический сан или производство в должность церковнослужителя. Император Юстиниан I Великий, с целью пресечения стяжательства, не только запретил суффрагий, но и установил строгую таксу на внесение синифии. В некоторых случаях в дьягаксисах автократора для обозначения подобного взноса применяется и термин «эфос» (греч. *ἔθος* – обычай), например, Nov. Iust. 123:597.6,28; 598.16; 606.21. Таксация синифии была реализована 15.04.535 г. (для светских лиц) и 1.05.546 г. (для духовенства). 2-е правило IV Вселенского собора (8.10–1.11.451) запретило обращать в продажу «непродаваемую благодать» и совершать за деньги «рукоположение или производство». Однако практика взимания синифии (эфоса) настолько прочно укоренилась в ромейском социуме, что василевсу оставалось только упорядочивать ее во избежание злоупотреблений, что и было сделано в новелле 123 (предназначенной для духовных лиц), как последнем по времени предписании: «Мы соглашаемся, чтобы в качестве синифий рукополагаемыми епископами предоставлялось только то, что вносится вслед за настоящим законом» (123:597.8–11). Затем фиксируется конкретная таксация синифий: «Мы предписываем поэтому блаженнейшим архиепископам и патриархам, то есть более почтенного Рима и Константинополя, и Александрии, и Антиохии, и Иерусалима, если синифия должна предоставляться епископами или клириками при их хиротонии (в сумме) менее 20 литр золота, предоставлять только то, что определяет синифия; если же перед этим законом она предоставлялась в большем количестве, ничего не предоставляется сверх 20 литр золота. Митрополиты же, рукополагаемые собственным синодом или блаженнейшими патриархами, и все другие епископы, рукополагаемые патриархами или митрополитами, если церковь рукополагаемого имеет доход не менее 30 литр золота, предоставляют за возведенных в сан 100 номисм, нотарию же рукоположника и другие при-

служивающие ему получают, согласно обычаю, 300 номисм. Если же доходы церкви составляют менее 30 литр золота в год, но они не менее десяти, за возведенных в сан отдавать 100 номисм, все же другие получают по обычаю 200 номисм. Если же оказалось бы, что доходы церкви – меньше десяти, однако не менее пяти литр золота, давать за возведенных в сан 50 номисм, все же другие получают, согласно обычаю, 70 номисм. Если же церковь имеет доход меньше пяти, но не менее трех литр золота, предоставлять за возведенных в сан 18 номисм, все же получают, согласно обычаю, 24 номисмы. Если же количество доходов церкви оказалось бы менее трех, но не менее двух литр золота, предоставлять за возведенных в сан 12 номисм, ради же всякого другого обычая 16 номисм. Мы соглашаемся, чтобы епископ церкви, имеющей доход менее двух литр золота, ничего не предоставлял ни ради возведенных в сан, ни ради другого какого-либо обычая» (123:597.11–34; 598.1–13). За нарушение законоположения о синифии законодатель предусмотрел наказание: «Если же кто-либо осмелился бы каким-либо способом получить (что-нибудь) сверх установленного нами количества за возведенных в сан или за синифии, мы повелеваем, что в случае, если бы он взял нечто большее, его наказывают тройным количеством от его имущества, даже если он передал его церкви» (123:598.20–24). Сказав все «насчет хиротонии епископов» (123:598.25–26) и соответствующей синифии, василевс ромеев рассмотрел вопрос о поставлении членов клира: «Мы все же не соглашаемся, чтобы клирик какого-либо ранга предоставлял что-нибудь тому, через посредство которого он рукополагается, или другому какому-либо лицу, однако чтобы он доставлял одни-единственные синифии помогающим рукоположнику и получающим, согласно обычаю, жалованье одного года, без превышения» (123:606.17–22). Для обозначения слова «жалованье» автократор использовал латинский номен *diarium*, транслитерированный греческими графемами (123:606.21). Таким образом, церковь (от греч. *κυριακή* – господень, подразумевается существительное *οἶκος* – дом) должна была следовать правовым нормам 123-й новеллы, запретившей суффрагий (123:596.17–19) для духовных лиц и декретировавшей таксационную синифию (эфос) за хиротонию и хирофессию (123:597.11–34; 598.1–13; 606.17–22) и возмездие за несоблюдение дьятаксиса (123:598.20–24).

Среди множества аспектов церковного бытия, приковавших к себе внимание законодателя, следует назвать, несомненно, проблему отчужде-

ния церковной недвижимости. В специальной литературе о ней говорится вскользь, причем как об окончательно решенном вопросе: «Вся недвижимость... стала неотчуждаемой (*extra commercium*)», «запрещение отчуждать церковные имущества» было санкционировано Новеллами Юстиниана¹. Василевс ромеев обращался к названной теме неоднократно². На протяжении 11 лет и 15 дней (с 15.04.535 по 1.05.546 г.) Юстиниан подготовил 10 новелл (в 535 г. – одну, в каждом последующем году из трех – по две, затем последовал перерыв в пять лет и, наконец, 544, 545 и 546 г. породили по одному дьятаксису) – нов. 7, 40, 46, 54, 55, 65, 67, 120, 123, 131. Чем объясняется тяготение императора к судьбам церковной недвижимости? Вряд ли убедителен тезис о том, что предписания не выполнялись и требовалось новое разъяснение ранее опубликованных. Видимо, трудно согласиться и с тем суждением, что каждая очередная новелла просто повторяла нормы предшествующей. Скорее всего, очередной дьятаксис развивал в той или иной мере, модифицировал правовые нормы, но если принять данную презумпцию, в таком случае в 10 новеллах представлена эволюция проблемы отчуждения церковной собственности. Конечно, назрела потребность в специальном исследовании данного вопроса. Особенно интересными представляются немалые и не столь редкие отступления Юстиниана от единого, «универсального» (по словам автократора) (7:49.13) закона о запрете отчуждения церковной недвижимости. Важно учитывать все обстоятельства создания очередного дьятаксиса, все факторы, воздействовавшие на изменение позиции императора при составлении того или иного конкретного нормативного акта.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые констатации М. В. Левченко, который затронул названную тему³: «В своем окончательном виде законодательство Юстиниана о церковной недвижимой собственности довольно сложно», «несмотря на кажущуюся строгость воспрещения со стороны правительственной власти отчуждения церковных земель, все же оно, как мы видим, и в VI в. могло иметь – и несомненно имело – место». Констатация сложности разработки проблемы отчужде-

¹ История Византии в трех томах. М., 1967. Т. 1. С. 150, 268.

² См.: *Липшиц Е. Э.* К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. (Эволюция законодательства о колонате в 505–582 гг. н. э.) // *ВВ.* М., 1971. С. 98–124, здесь с. 111. Прим. 20.

³ *Левченко М. В.* Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // *ВВ.* 1949. Т. 2. С. 11–59, здесь с. 15–17.

ния церковной недвижимости, нашедшая отражение в трудах М. В. Левченко, заслуживает, безусловно, серьезного отношения к ней со стороны исследователей, однако она недостаточна сама по себе вследствие того, что теряется из виду общее направление политики Юстиниана в сфере недвижимости – стремление к унифицированной форме собственности и размежеванию владельческих прав и прав частного собственника. Прежде всего, необходимо осмыслить некоторые теоретические положения. Номен «право отчуждения» поглощает а) большую часть владельческих прав и б) право продажи. Для передачи первого значения использовался термин «апаллотриосис» (передача, отчуждение), для воспроизводства второго – «эквиисис» (продажа, отчуждение). Процесс отчуждения земли начался, по А. И. Неусыхину¹, с возникновения права наследования земельного надела у лиц женского пола в пределах малой семьи (главным образом у дочери умершего главы семьи), тогда как владельческие права на пахотный участок оформляются с появлением права наследования у представителей мужской нисходящей линии. Земля, на которую распространилось такое право, называется *terra salica*.

Отчуждение, включающее большую часть владельческих прав, можно обозначить термином «апаллотриосис». Отчуждение, идентичное продаже, можно обозначить термином «эквиисис». Апаллотриосис – отчуждение начальное, ограниченное. Его следует трактовать как I этап отчуждения. Эквиисис – отчуждение завершающее, свободное. Его следует рассматривать как II этап отчуждения (высший этап). Апаллотриосис плюс эквиисис составляют отчуждение в широком смысле, эквиисис – отчуждение в узком понимании. Владельческие права – шире прав апаллотриосиса. Они возникают раньше, чем право апаллотриосиса. В таком случае владение появляется раньше частной собственности (речь идет о недвижимости), которая предполагает свободное отчуждение пашни за деньги. Никакого разрешения ни с чьей стороны такая продажа не предусматривает.

Владение прошло ряд ступеней в своей эволюции (от *terra salica* до полного аллода). Наследование, завещание, аффатомия, дарение, как основные этапы развертывания владельческих прав, связаны именно с владением². И только после этого начался процесс превращения владения

¹ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С. 12–13.

² Там же. С. 12 сл., 67 сл.

в частную собственность¹. Если речь идет о недвижимости, как в только что изложенных рассуждениях, необходимо различать владельческие права, право апаллотриосиса и право экиписиса. Поэтому слова «право экиписиса» (22:160.35–36) лучше передавать как «право продажи», а не «право отчуждения». Слово во множественном числе «экиписис» (22:161.2–3) лучше переводить как «продажи». Слово в единственном числе «экиписис» (67:344.9) лучше переводить как «продажа». Следует подчеркнуть, что высший субъект присвоения не всегда обладал правом свободного распоряжения пахотной землей и разными видами альменды. Например, пагу, как разновидности земледельческой общины, не свойственно право экиписиса. Кстати, Юстиниан, признавая церковь верховным субъектом присвоения принадлежащей ей недвижимости (и, конечно, движимого имущества), упорно и целенаправленно стремился к изъятию из ее прав отчуждения в широком смысле, именно права экиписиса.

Главным правом частного земельного собственника было его право продажи. Если собственник не располагал таким правом, он мог быть пользователем, владельцем, держателем, но только не частным собственником. Уступая права на землю, частный собственник подчеркивал именно право продажи, ставя слово «продать» на первое место², или довольствовался словом «продажа», как в акте 1272 г.³: «Мы предлагаем и совершаем настоящую... распродажу со всем семейством и нашей стороной, и самими наследниками, и преемниками нашими добровольно и без принуждения, честно и без интриг, по собственному желанию и самопроизвольно, и не вследствие какой-либо нужды или страха, или коварства, или издевки, или принуждения, или лжи, или архонтовского притеснения, или бесчестного намерения, но со всем рвением, душевным замыслом и с обдуманной и точно осознанной целью и мыслями о самой непорочной последовательности и, просто говоря, с большим одобрением с нашей стороны и желанием, отказываясь и отвергая вследствие соответствующей нашей договоренности и расспросов не только любую и всевозможную необразованность и некультурность и архонтовское насилие, но и само раскаяние и сожаление по поводу раскаяния и порожденный нами вследствие этого иск

¹ Там же. С. 106.

² Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi. Vindobonae, 1871. V. IV. P. 90.35–91.1; 117.9–11 (далее – ММ); Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Л., 1927. № 83.6–7; 88.4–7; 93.8–9.

³ ММ. V. IV. P. 407–409.

для аннулирования настоящего нашего акта установленной и непоколебимой продажи». Конечно, продажа осуществляется по собственному желанию продавца, а не с разрешения какого-либо иного лица.

Новелла 7-я, начинающая отчуждение и поиски решения назревшей проблемы отчуждения церковного недвижимого имущества, определяет цель и задачи автократора в названной сфере. Не высказывая никакого намерения с налету, с первого раза, одновременно разобраться и ответить на все злободневные вопросы, законодатель выдвигает «постоянную единую цель» – «воссоздать совершенное», «охватить все прежние нормы единым законом», который будет применяться на всех территориях Империи ромеев, во всех епархиях, окажется «универсальным среди законов». Тем самым император намеревался «подготовить единое законодательство всем священнейшим церквам», отвергающее отчуждение недвижимого имущества. Так называемое «парическое право», не известное ромейским законам, привело к «почти постоянному отчуждению» церковной недвижимости. В проимии 7-й новеллы Юстиниан недвусмысленно заявляет о своем намерении коренным образом изменить сложившуюся ситуацию: «Мы поставили себе в качестве постоянной следующую единую цель – все то, что показалось бы незавершенным ранее и запутанным, таковое и очистить, и воссоздать совершенное из не доведенного до конца. Что и сделав относительно всего законодательства, мы считаем нужным, однако, при отчуждениях, совершающихся ради священного имущества, охватить все прежние нормы единым законом, который и отвергает себя, и исправляет, и добавляет упущенное, и избавляет от ненужного. Львом, в самом деле мужем благоговейной участи, который – именно после Константина, мужа священной памяти и зачинателя христианской веры среди императоров – умножил честь священнейших церквей и наладил их устройство, был написан закон о церковных отчуждениях, привязанный к одной-единственной священнейшей великой церкви в блаженном этом городе. И мы восхваляем к тому же большинство установлений этого закона со всей страстностью и боголюбием, но мы опровергаем его в том, что он вообще установлен для всех; мы уже поверили, конечно, что и он нуждается в некотором исправлении. Анастасием же, мужем благочестивой доли, был составлен некий закон о том же, не похожий на предыдущий и со всевозможными пропусками. Ибо он разбросан и в отношении отдаленных местностей остался не менее незаконченным, будучи обращенным к одному-единственному сану архиерея и администратии, назначенной блаженнейшим патриархом этого царственного

и процветающего города, но не принимая, однако, во внимание все другие епархии. Впрочем, если действительно он думал, что вещь вследствие исправления оказывается ценной, то по какой причине одни нормы он исправлял, другие же, неупорядоченные, оставлял? Мы постановляем, чтобы впредь он перестал быгг действующим в незавершенном виде и привязанным к определенной местности, но являлся универсальным среди законов и вносил нечто значительное. Поэтому мы, конечно, исправляя все, подумали, что нужно подготовить единое законодательство всем священнейшим церквам и гостиницам, и больницам, и богадельням, и монастырям, и детским приютам, и приютам для престарелых и действиям любой культовой организации, и этот закон дополнить предписанием Льва, мужа благочестивой участи, предварительно на основе (предписания) излагая для себя вкратце право и таким образом сплетая вместе и все остальное. Ибо оно (предписание) предпочитает, чтобы ни боголюбезнейший архиепископ и патриарх блаженнейшего этого города или священнейшей великой церкви, ни управляющий хозяйством не продавали, не дарили или не отчуждали, случайно, иным способом недвижимое имущество, жилое помещение или поле, или земледельца, или деревенских рабов, или общественные кормления (а именно те, что нужно причислить к недвижимым вещам, которые принадлежат священнейшей великой церкви в Константинополе) и не совершали что-либо подобное по отношению к ответному дару или иной какой-либо уловке. И оно (предписание) угрожает покупателю отторжением вещи, чтобы он передал своевременно управляющему делами священнейшей великой церкви полученную им вещь со всем урожаем в течение года и другими доходами, из-за неминуемо предстоящего (тому, кто осмеливается что-либо подобное взять или купить) аннулирования цены, потому что, в соответствии с законами, приобретенное равным образом он передает даже не родившемуся. И оно же предписывает управляющему хозяйством, нарушившему эти нормы, передать из собственных средств священнейшей великой церкви все то, что он приобрел по этой причине или в чем причинил убыток священнейшей церкви. Кроме этого оно же отстраняет и от заведования хозяйством и не передает управление священнейшей церковью только одним боголюбезнейшим экономам, но и их преемникам, они ли это совершили или, видя, что это совершает при удобном случае боголюбезнейший епископ или кто-либо из других клириков, хранили жалкое и подобоострастное молчание и, видя того, кто выражает скорее одобрение многому, уступили чему-либо подобному, но не воспрепятствовали происшествию. И составленные в присутствии нотариу-

са такие договоры предают его вечной ссылке, не предоставляющей ему какого-либо снисхождения и последующего возвращения. Предписание угрожает даже изгнать самих великих архонтов, согласных с подобным и оказывающих помощь такими действиями как составлением от своего имени деловых заметок с целью организации таких дарений или иных сделок и цепляющихся за власть, общественное положение и имущество. Поэтому в самом деле сильно упрекнув, оно (предписание) разрешает, чтобы священнейшая великая церковь предоставляла пользование церковной вещи, или так называемый узуфрукт, в течение некоторого условленного времени или на срок жизни получателя при том, однако, условии, что тот, кому оказывается такая честь, дает взамен вещь такого же количества священнейшей великой церкви на основании неограниченного господства, вследствие чего священнейшая церковь сможет получать тот же самый доход, который он (тот, кому оказана честь) извлек посредством использования, а именно – после кончины получателя или установленного для пользования времени и когда возвращается священнейшей церкви использование переданной церковной вещи и она становится одновременно с пожалованным пользованием собственностью священнейшей церкви. Ибо закон устанавливает, что договор гарантирует безопасность. Если же переданное священнейшей церкви было бы меньше предоставленного с ее стороны, вследствие (возвращения) которого (полностью) она тотчас же обретает господство и рассчитывает также получить пользование, то она расторгает соглашение и даже не выясняет (всех обстоятельств) по поводу случившегося, и в то же время позволяет безнаказанность отщепенца, ввиду того, что происходит ограничение прав священнейшей церкви. Закон в самом деле подобное вкратце как определяет, так и порицает и доходит вплоть до (выяснения) обстоятельств одной-единственной священнейшей церкви: хотя всякую уловку он отвергает (отчасти мы успели сказать об этом), он приобрел, однако, силу прекратить после этого махинации упомянутых лиц. Ибо некоторые, изобретая как раз так называемое парическое (право), не известное ни нашим законам, ни любому иному из всей их совокупности, изучили немало описаний по поводу законоположения, придумав почти постоянное отчуждение. Именно то мы запретили приводить для себя в исполнение в будущем, вследствие чего мы написали закон об этом. Поставленные недавно во главе дел священнейшей великой церкви уже стали осведомленными также в эмфитефсисе и, уступая эмфитефтам, уменьшили во многом количество действительного дохода. Поэтому в одном из наших предписаний мы определили, что эмфитефсис осуществ-

ляется максимально тремя лицами, получателем и двумя другими преемниками, согласившись, что это находит место и в делах священнейшей церкви, установив по закону уступать эmfитефтам вследствие случайных обстоятельств не более одной шестой части: поскольку мы узнавали, что некими лицами сделки оформляются так многословно и нечестиво, что священнейшей церкви и вообще не предоставляется шестая часть, когда все остальные уже уступлены эmfитефту. Афанасий же, муж благоговейной участи, предписав, чтобы осуществлялась подготовка памятных записей при отчуждениях, если где-нибудь нашлось бы для этого удобное время, и введя эmfитефсисы без (оформления) акта на срок жизни того, кто получает эmfитефсис, при оформлении же акта и до бесконечности удлиняя его (срок эmfитефсиса), составил неточный, не сведенный в целое закон и всячески недоделанный, установив законоположение, как мы сказали, в пределах одного-единственного хозяйства патриаршего престола блаженного этого города» (7:48.17–36; 49.1–42; 50.1–42; 51.1–34).

Начиная с 40-й новеллы, Юстиниан вносит коррективы в правовые нормы, касающиеся церковной недвижимости, «ради некоей подобающей и необходимой пользы в делах», хотя 7-й новеллой уже был предписан «общий закон» «о запрете церковных отчуждений», который (закон), по замыслу императора, «касался всех» (то есть всех церковных учреждений): «Уже предписаны общим законом с нашей стороны положения о запрете церковных отчуждений, и мы желаем, чтобы он вступил в силу и, вступив в силу, касался всех. Поскольку же ради пользы подобает позаботиться о всех церквях, больше же о церкви святого Воскресения и местности, в которой Творец мира решил предстать в человеческом облике, мы вознамерились поэтому написать настоящий закон не с целью отмены уже изданных нами законов, но ради некоей подобающей и необходимой пользы в делах. Ибо всем людям очевидно то, что церковь священнейшего Воскресения и принимает, и содержит тех, кто стекается сюда из всей икумены, большинство которых не имеет опыта словесно выражать мысли, и производит безмерные траты, которые помогают собирающимся туда сверх всяких ожиданий, так же как (помогло) чудотворство великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, когда Он взрастил несказанное множество хлебов из небольшого их числа ради дня грядущего. Так что ей необходимы более значительные средства и благочестивые основания, вследствие которых она была бы способна предложить теперь помощь столь большому количеству (людей). Однако мы узнали, что в настоящее время Ев-

севий, боголюбезнейший пресвитер и хранитель сокровищ священной церкви в царственном этом городе, находясь в упомянутом городе иерусалимлян и показав свой благопристойный и богоугодный нрав, благодаря которому он увеличил доход священной церкви многими и значительными, и справедливыми приумножениями, смог приобрести доход в триста восемьдесят литр золота за цену ненамного более или менее тридцати литр золота, собрав это праведно с помощью податей, а также подготовив благочестивейших заведующих хозяйством вышеупомянутой церкви священного Воскресения взять взаймы. И он научил нас, каким образом заимодавцы стремятся приобрести свою долю и как он нашел другой, парадоксальный, источник дохода. Поскольку много людей по желанию стекается и посещает в упомянутом городе иерусалимлян места, посвященные Богу, они хотят купить за большое количество золота церковные помещения, чтобы им можно было пользоваться жилищем, расположенным в вышеуказанной местности, однако не будучи в состоянии это сделать, руководители церкви священного Воскресения нуждаются в законе с нашей стороны, который объявил бы о церковных отчуждениях, хотя существует столь большая выгода, что они хотят арендовать некоторые эти постоянные дворы на пятьдесят лет, даже не говоря здесь многого о том, насколько большой окажется сговорчивость, если действительно владение было присоединено священной церковью из дохода (к тому же оказавшегося удивительным) около тридцати литр золота лишь только в течение тринадцати лет, однако продажа строений будет совершаться на 50 лет, и тем более, что вещь предоставлена в строениях, которые подвластны любым случайным обстоятельствам, погибая сразу под их воздействием и не будучи в состоянии легко сохранить от гибели какой бы то ни было остаток, если только они были бы разрушены или иным способом были бы погублены вследствие некоего обстоятельства (однако это было бы далеко от предмета обсуждения)» (40:258.21–33; 259.1–44).

Юстиниан не рассматривал созданный им универсальный закон о запрете отчуждения церковной недвижимости как некое незыблемое правило, отступая от него в некоторых случаях. Приведу в качестве примера соответствующий теме текст 67-й новеллы. Речь идет о последней, завершающей главе под № 4, которая состоит из одного предложения, насчитывает 23 строки и построена (если иметь в виду три последних слова) по 2-му закону акцентуации (67:346.14–36): «После того, как мы уже установили законом, что если бы в провинциях должна была совершиться какая-либо

продажа недвижимого церковного имущества, то ее производить согласно постановлению, так, как гласит недавно изданное нами предписание, чтобы постановление действовало, однако, не только в интересах нынешнего любезного Богу епископа города и его клира, но и епископа митрополии, тем не менее дополнительно установлено, что если бы действительно святейший епископ митрополии или же благочестивейшие экононы его святейшей церкви намеревались продавать, то что должно было произойти: и мы присоединяем следующее, чтобы присутствовали двое из управляемого им синода любезных Богу епископов, которых он выбрал бы, чтобы всяческое прочее наблюдение за соблюдением теперь установленного нами закона было дополнено присутствием двух любезных Богу епископов, чтобы он, что касается его самого, рассчитывал заниматься делом вместе со своим синодом, и как он сам делает дело надежно и независимо, оказывая помощь тому, кто подчинен ему, так чтобы и ему управляемый им синод с помощью двух любезных Богу епископов считал нужным делать дело надежно, дополнительно присоединяя свидетельство этого священного синода».

Новелла 67 (1.05.538 г.) относится к временному промежутку между написанием 7-й новеллы (15.04.535 г.) и 120-й (9.05.544 г.). Два последних дьятаксиса обычно приводят в качестве доказательства запрета отчуждать церковную недвижимость. Однако в 67-й новелле продажа недвижимого имущества церкви разрешена. Заголовок данной новеллы (67:344.2–10) содержит завершающую фразу «И о продаже церковных недвижимых имуществ» (67:344.8–10), которая соотносится с 4-й главой новеллы и в ней раскрывается. Содержание 4-й главы 67-й новеллы показывает, что проблема отчуждения недвижимой собственности церкви решалась трудно, долго, противоречиво, с оговорками, ограничениями, уступками. Однако в целом император неуклонно добивался своей главной цели, очерченной в вышеприведенных нормативных актах.

Выдвинув идею единой, универсальной церкви, Юстиниан был вынужден занять жесткую позицию по отношению к еретическим толкам, которые отражали интересы, взгляды и надежды оппозиционных, в частности сепаратистски настроенных, социальных группировок. Однако и в данной сфере общественных сопряженностей автократор неоднократно варьировал свою политику, что наглядно проявилось во взаимоотношениях с монофиситством, обильный материал о которых (иногда в имплицитной форме) содержится в ряде новых дьятаксисов василевса ромеев.

Монофиситство в узком, специальном смысле – основное еретическое направление христологического характера в христианстве V–VII вв. (22.11.448 – июль 619). Основатель монофиситства – константинопольский архимандрит Евтихий, или Евтих (род. 378). Первая жалоба на 70-летнего Евтихия (в 448 г.) последовала императору Феодосию II (408–450) со стороны архиепископа Домна Антиохийского. 8.11.448 г. Евсевий, епископ Дорилейский (во Фригии) обвинил Евтихия в ереси. В таких условиях 22.11.448 г. на Константинопольском поместном соборе в присутствии 32 епископов Евтихий впервые публично изложил свою позицию о том, что Иисус Христос состоял из двух естеств до единения (*ἐκ δύο φύσεων πρὸ τῆς ἐνώσεως*), а после единения Ему была присуща только одна природа (*μία φύσις μετὰ τῆν ἕνωσιν*). Этот день можно считать днем рождения монофиситства. Оно возникло как реакция на несторианство, которое являлось дифиситством. Признавая рождение Иисуса Христа из двух природ (божественной и человеческой), монофиситствующие, отвергая дифиситские сентенции, настаивали на существовании после воплощения одной (именно божественной) природы Спасителя. До единения же плоть Христова и плоть человеческая были связаны единосущием. Не отвечая на вопрос, как Бог стал человеком (так же поступают и ортодоксальные христиане), монофиситы лишь констатировали, что из двух естеств неизреченным образом стало одно. Монофиситство отвергало превращение (*τροπή*), смешение (*μῆξις*), слияние (*σύγχυσις*) естеств или поглощение (*καταβρόχθισις*) одной природы другой в акте воплощения. Но как раз подобное им приписывают дифиситствующие. Монофиситы считали информными номены *ἰδιότης*, *οὐσία*, *ἄτομον*, *πρόσωπον*, *ἐπόστασις*, *φύσις*. Утратив собственную действительность, человеческая природа не могла быть объектом живописных изображений, вследствие чего монофиситы отвергали почитание икон. Собственно термин «монофиситы» (от греческих слов *μόνος* – один и *φύσις* – природа, естество), означающий «единоестественники», встречается с конца VII в., названия же конкретных течений монофиситства – гораздо ранее (как правило, со времени их появления) (см., например, «Новеллы Юстиниана», нов. 109:517.29; 131: 663.16–17; и др.). Поскольку сигма между двумя гласными приносится как [с], правильное писать «монофиситы», а не «монофизиты». Причины возникновения монофиситства были различными (религиозные; политические – сепаратизм восточных провинций Византийской империи; языковые, которые сыграли немалую роль в размежевании церквей и толков). В территориальном отношении монофиситство охватило большой регион

(помимо Константинополя следует назвать Сирию, Египет, Палестину, Армению, Грузию, Месопотамию, Аравию, Нубию). В восстании «Ника» (13–18.01.532) прасины (как стасиоты, так и димоты) показали себя яркими монофиситами. Политика ромейских василевсов (особенно Василиска, Зинона и Юстиниана I) по отношению к монофиситству во многом была непоследовательной и противоречивой. Монофиситское движение сопровождалось созывами поместных и Вселенских соборов, диспутами, бурными волнениями и мятежами, расправами с его адептами. Халкидонский (IV Вселенский) собор (8.10–1.11.451) осудил монофиситство как ересь. В ходе длительной эволюции монофиситство разделилось на множество толков. Помимо евтихианства, бар-судаизма, диоскорианства, элурианства, акефальства и филоксенианства, оно вообрало в себя два ведущих направления: севирианство (фтартолатры, ниовиты, ктисолатры, агноиты, феодосиане, тритеиты) и юлианитство – гайяниты (афтаргодокиты, или фантасиасты), ктиститы и актиститы. Феодосиане включали кондовавдитов, петритов и дамианитов (савеллиан и тетрадитов, или тетратейтов). Тритеиты, в свою очередь, делились на кононитов и филопониян. От халкидонян отмежевались также яковиты, копты, эфиопы и армяно-григориане. Существовали группировки теопасхитов и дякриноснов. Своеобразной модификацией монофиситского движения стало монофелитство. Понимаемое в широком смысле, монофиситство существует по сей день в форме нехалкидонских церквей (севирианско-феодосианская разновидность вероучения), к которым относятся коптская, эфиопская, армянская, антиохийская (сиро-яковитская) и малабарская.

Видоизменяя свое отношение к монофиситам, Юстиниан исходил из реально сложившейся ситуации, добиваясь при этом главного (в чем он преуспел) – ослабления социальной напряженности в империи. Проблематика монофиситства в целом и во времена Юстиниана в частности – назревшая научная задача, которая требует специальных изысканий, разработки соответствующей методики подобных исследований и разрешение которой приобретет, думается, неоспоримую практическую значимость в процессах взаимоотношений различных конфессий и толков.

Признавая ту единящую роль, которую играл греческий язык с момента появления новых конституций (с 1.01.535 г.) в деле усиления политической и иной централизации, Юстиниан в целом был сторонником концепции официально действующего «единого языка» в Империи ромеев. Авторитарно стремился ввести греческий язык и в богослужение разных ве-

роисповеданий. В полиэтнической среде невозможно было исключить использование родного языка или принятого языка богослужения, но точно так же недопустимым оказалось (так предписывалось) игнорирование греческого языка. Юстиниан написал специальную новеллу «О том, чтобы евреям было позволено при обучении читать Священное Писание по-латыни или по-гречески, или на ином языке, и о том, что они изгоняются со своих мест, не рассчитывая на судебное решение или воскресение, или ангелов» (124-й дьятаксис Аугентики – 124:714.7–12). Греческая прескрипция (нов. 146) предельно кратка: «О евреях» (146:714.7). Уже содержание проимия данного дьятаксиса (146:714.14–715.12) показывает, что до его издания иудеи придерживались в богослужении «одного-единственного еврейского языка», однако отныне вводится и греческий, «и вообще любой язык»: «Следовало, чтобы евреи, слушая священные книги, не тяготели к единственной письменности, но стремились к сокрытым в ней пророчествам, посредством которых она возвещает великого Бога и Спасителя рода человеческого Иисуса Христа. Помимо этого, предаваясь иррациональным истолкованиям, они вплоть до нынешнего времени отклонялись от православия, однако, научив их спорить между собой, мы опрометчиво не выказали твердости, чтобы они оставили разногласия. Вследствие их прихода к нам мы узнали, что они придерживаются одного-единственного еврейского языка и одни из них желают пользоваться им при чтении священных книг, другие же считают возможным использовать и греческий язык, и уже в течение долгого времени они спорят из-за этого между собой, поэтому мы, выслушав лучших из них по этому вопросу, пришли к заключению, что есть желающие и греческий язык использовать при чтении священных книг и вообще любой язык, который в данной местности оказывается для слушателей более пригодным и понятным».

Вместе с тем Юстиниан идет на уступки евреям некоторых населенных пунктов (например, евреям города Тира), о чем свидетельствует 139-я новелла.

Важнейший идеологический тезис, аргументированно изложенный Юстинианом в его новых конституциях, касался взаимоотношений церкви и государства в эпоху реформирования ромейского социума.

Священство и империя, то есть многоуровневые по характеру сопряженности государства и церкви и отношения последних с икуменой – центральная проблема политической идеологии Византии на всем протяжении ее истории. Внешнеполитическая деятельность империи опиралась

на принцип общего соотношения василевсовой и патриаршей властей, который не связан с объемом прерогатив названных институтов в рамках ромейского социума. Родоначальник теории властного универсализма Евсевий Кесарийский (264–340), «отец христианской историографии», различая две сферы власти – гражданскую (полученную непосредственно от Бога) и духовную (полученную от Христа через апостолов), выступил адептом тесного единения церкви с государством («Житие императора Константина»). Размытость двух властных систем приводила в дальнейшем к конфликту между василевсом ромеев и патриархом. Однако в Византии не было такой острой, как на Западе, дихотомии между духовной и мирской разновидностями власти. Мысль о согласованной сплоченности последних стала краеугольным камнем теории универсализма. Ярким подтверждением этого являются воззрения дьякона константинопольской Софии Агапита (VI в.), патриарха Фотия, императора Льва VI, историка Льва Дьякона, а в поздневизантийское время – решение синода от июня 1380 г., позиция Антония IV как приверженца концепции Евсевия, инструкция послам (1393 г.). Первоначально роль и значимость патриаршей власти заметно уступали императорской. Но смысл идеи универсальной власти сводился к согласованным действиям, единогласию (*συμφωνία*, *consonantia*) разных ее носителей, что отчетливо выразил Юстиниан в проимии своей 6-й новеллы (Nov. Iust., 6:35.27–31; 36.1–21): «Величайшими дарами, преподнесенными свыше благосклонностью Бога, у людей являются священство и империя, одно заслуживается божественными деяниями, другое же начинается и обеспечивается человеческими делами, и то и другое исходят и организуют человеческую жизнь из одной и той же самой основы. Поэтому императорам ничто так не было бы желанным, как благочестие священников, если даже и они ради того самого постоянно умоляют Бога. Ибо если бы священство было безупречным во всех отношениях и обладало бы прямотушием по отношению к Богу, а императорская власть справедливо и подобающе организовывала бы переданное ей государство, то сложилась бы некая благая гармония, предоставляющая человеческому роду все, что только могло оказаться полезным. Поскольку же мы проявляем величайшую заботу как об истинных божественных догматах, так и о благочестии священников, чтобы те следовали ему, то мы поверили, что благодаря ей нам будут предоставлены Богом большие блага, и мы наверняка удержим то, что существует, приобретем то, что еще не имеем, и приумножим ныне

возвращенное. Хорошо ведь, если бы все могло бы совершаться надлежащим образом, а именно если бы начало дела стало бы подобающим и угодным Богу. Мы верим, что это все же случится, а именно если будет обеспечено соблюдение священных канонов, то, что, справедливо восхваляя, передали и паломники, и очевидцы, и служители божьего слова апостолы, а святые отцы сохранили и подсказали». С обособлением разных направлений христианства появилась необходимость очередной регламентации общего соотношения светской и церковной властей путем «сужения религиозного аспекта до конфессионального»¹, иными словами, декларирования единства государственности и православия (а не просто христианской веры). В 885–886 гг. патриарх Фотий изложил концепцию равновесия императорской и патриаршей власти. За провозглашением идеала последовал длительный процесс возвышения священства до уровня царственности. Своеобразным свидетельством успеха стали практика сравнения патриарха с солнцем и оформление светско-духовного сословия архонтов. Наконец, пришло время (исход XIV в.), потребовавшее апологии статуса императора как универсального правителя, причем в качестве аргумента приводилось признание всеобщности власти константинопольского патриарха всеми христианами. В официальном послании от сентября-октября 1393 г. патриарха Антония IV великому князю Московскому и всея Руси Василию I Дмитриевичу было подчеркнуто, что если патриарх – всеобщий учитель всех христиан, то василевс – их единственный всеобщий император². Так произошла любопытная метаморфоза двух сфер власти. Став государственной религией, христианство, а затем и православие стремились возвыситься до всеобщего института власти, до уровня царственности. Достигнув этого в теории и спустя длительное время на практике, церковь была вынуждена затем с максимальным напряжением сил отстаивать светский универсализм, опираясь на тезис о неразрывном единстве империи и церкви.

Величие Юстиниана I проявилось в том, что он прозорливо предвосхитил незаурядную роль христианского мировоззрения в сложный и противоречивый период реформирования ромейского социума. Авторитаратор

¹ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: (Византия и Русь). М., 1991. С. 36.

² Перевод письма см. в моей книге: Галеры Саввы Русского. Екб., 1994. Т. 1. С. 169–175.

нашел, опираясь на весь свой жизненный и философский опыт, объединяющее начало, стержень и твердыню нравственных устоев. Церковь могла обеспечить и обществу, и отдельному человеку равновесие духовного состояния, нерушимость терпимых социальных связей, негативное восприятие преступлений и пороков. Существовало немало факторов, которые неуклонно сближали позиции царственности и священнической власти. Следует подчеркнуть, среди множества сопряженностей, растущую идеологическую связь империи и церкви. Конкретным воплощением такой общности стал храм св. Апостолов – величественная пятикупольная церковь в Константинополе, второй храм «мировой столицы» (*orbis caput*) после св. Софии. Во-первых, данное святилище есть символ и реальное воплощение идеологического единства византийской царственности всех династий и поколений ромейских василевсов, во-вторых – проявление идеологической симфонии (*Nov. Iust. 6:36.7–8*) царственности и священства, *imperii et sacerdotii*, в-третьих – единящая идеологическая святыня икумены, главная усыпальница светских и духовных игемонов Империи ромеев. Первоначальный храм св. Апостолов был построен еще Константином I Великим, римским императором (27.06.306–22.05.337), и предназначался для погребения византийских василевсов и их близких родственников. Вскоре он стал также постоянной усыпальницей патриархов. При преемнике Константина I Констанции I (9.09.337–3.11.361) в храм были перенесены мощи св. апостолов Тимофея и несколько позже Андрея и Луки. Мощи константинопольского архиепископа Григория Назианзина (ок. 330 – ок. 390) и патриарха Иоанна I Хрисостома (между 344 и 354–14.09.407) были положены в самом алтаре. Ко времени Юстиниана I Великого (11.05.482–14.11.565) храм заметно обветшал, и василевс приказал снести его до основания и построить новый, еще более великолепный храм на месте снесенного с сохранением прежней крестообразной формы, каждая из четырех продольных частей которого делилась на три нефа двумя рядами колонн в два этажа. В месте соединения этих частей на возвышенном полу была устроена солея алтаря. Над алтарем возвышался полусферический купол на высоком барабане, снабженном множеством окон. Боковые купола имели более низкие барабаны, причем, за исключением восточного, располагали только узкими продольными отверстиями. Пятикупольный храм св. Апостолов послужил прототипом собора св. Марка в Венеции. Храмовый комплекс включал, помимо величавой церкви, еще ряд больших

и малых храмов и дворцовых построек. К северо-восточной стороне алтаря храма св. Апостолов примыкал храм Константина I, а к юго-восточной стороне – храм Юстиниана Великого. В первом храме покоились останки императоров от Константина I до Василия II Болгаробойцы, во втором стояла гробница из чистого золота, приготовленная Юстинианом для самого себя, покоились Ираклиды и василевсы-иконоборцы. Неподалеку от храма св. Апостолов, с северной стороны, был сооружен Львом VI Мудрым (1.09.866–11.05.912) после 900 г. храм Всех Святых с тремя прилежавшими к нему евктириями – в честь св. Феофано, мученика Льва и св. Ипатия. В храме св. Апостолов хранились не только мощи св. апостолов и разнообразные драгоценные реликвии, но также императорские облачения, короны, драгоценные камни, жемчуг, золотые украшения и другие богатства и сокровища. Крестоносцы нещадно ограбили храм в 1204 г., вскрыв императорские гробницы. В период латинского господства (13.04.1204–25.07.1261) продолжалось похищение драгоценностей. Обветшали некоторые здания. Был разрушен временем и землетрясениями храм Всех Святых. Его исчезающие развалины послужили материалом для укрепления акрополя Золотых ворот. Храм св. Апостолов был известен литиями (соединенными с богомольными выходами, или крестными ходами) и со времени Льва VI Мудрого (императора с 30.08.886 по 11.05.912) выездами в эту церковь, которые совершались в понедельник Пасхальной недели, в Антипасху, праздник св. Апостолов, в неделю Всех Святых, 21 мая – в день памяти равноапостольных Константина Великого и его матери императрицы Елены и в иные памятные и праздничные дни. Перед храмом св. Апостолов была сооружена колонна со статуей архангела Михаила. По велению первого Палеолога Михаила VIII (никейский император с 1.12.1258 по 25.07.1261 и константинопольский император с 25.07.1261 по 11.12.1282) была установлена его статуя, коленопреклоненная перед статуей архангела. В храме св. Апостолов проводились некоторые знаменательные церковные соборы. С западной стороны к нему примыкал дворец с большой палатой для парадных обедов, соединенной с китонем. После приезда василевса для его участия в соборе в китон доставляли императорское парадное облачение (дивитисий, хламиду, лор, пурпурные сапожки, золотую корону с жемчужными подвесками). Из китона через триклин дворца василевс в сопровождении чинов кувуклия проходил в катихумении западной стороны храма св. Апостолов. Отсюда через йинэко-

нит (в северной стороне церкви) он направлялся к св. вратам алтаря. Собор кланялся в землю властителю икумены, и после возгласа церемониаря «Повелите!» члены синклита исполняли хором обычное многолетие «На многие и добрые годы да продлит Бог твое царствование!». С зажженными свечами в руках император и патриарх непременно молились у гробниц Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Итеративность церемониала в храме св. Апостолов (в обстановке роскошного иконостаса с чудотворными иконами, аксамитных завес в катихумениях, мозаичных полов, гармоничной мраморной облицовки, пышных одеяний высших духовных лиц и членов синклита, нерушимого и размеренного ритуала, выверенной последовательности действий) взывала к почитанию предков, внушала веру в незыблемость икуменической идеологии, подчеркивала неизбывный богооткровенный традиционализм общественных устоев.

Приверженность традициям и в целом принципу традиционализма многократно подчеркивал Юстиниан, несмотря на все свои реформаторские устремления. Со своей стороны, церковь неизменно следовала традиционализму христианского мировоззрения. Две ветви власти сближали и универсализм, всеобщность, стремление распространить свое влияние на всю икумену. Требования единой империи, единой религии, единой церкви, единой веры соответствовали общей цели обеих сторон – создать сильную централизацию при единогласии гражданской и церковной властей. Объединяющие факторы побуждали по-новому осмыслить статус священства. Потребовалось возвысить церковь до уровня царственности, то есть расширить ее полномочия, увеличить привилегии, усилить материально, освободить от долгов и суффрагия. Следовало (и Юстиниан это великолепно почувствовал и реализовал) поднять значимость духовных учреждений – и теоретически, и практически, и духовно, и в материальном отношении, и в смысле правовой регламентации, и в нравственном плане. Сделав акцент на первом элементе идеологической триады, то есть единогласия властей, Юстиниан поставил священство на первое место в бинарной формуле симфонии.

Концепция согласованности священства и царственности была раскрыта Юстинианом в проимии (Nov. Iust., 6:35.27–31; 36.1–21) 6-й новеллы. Автократор твердо верил в осуществление консонанции и неоднократно подчеркивал это (6:36.12, 17). Участвующие в единении властные структуры отличались выполнением разных функций – священство за-

служивалось божественными деяниями (6:35.29–30), царственность же начиналась и утверждала себя человеческими (6:35.30–31). Однако многое сближало два общественных института: 1. Общее происхождение (6:35.28–29), 2. Исходное следование одному и тому же началу (6:35.31; 36.1), 3. Организация человеческой жизни на основе единого принципа (6:35.31; 36.1), 4. Общие цели (6:36.4–8), 5. Признание обществом духовной и мирской властей величайшими дарами Бога (6:35.27–29).

Юстиниан специально отделил условия складывания консонанции: 1. Безупречность священства во всех отношениях (6:36.4–5), 2. Соблюдение священных канонов (6:36.17–18), 3. Забота священников о своем благочестии (6:36.3–4, 11), 4. Обладание духовными лицами прямодушием по отношению к Богу (6:36.5–6), 5. Забота императорской власти о благочестии священников (6:36.9–11), 6. Забота царственности об истинных божественных догматах (6:36.9–10), 7. Угодное Богу совершение дел (6:36.16–17), 8. Подобающая организация государства (6:36.6–7), 9. Справедливая организация государства (6:36.6–7), 10. Надлежащее совершение дел (6:36.14–16).

Единение священства и царственности, по Юстиниану, обеспечит растущее благополучие всему ромейскому обществу: 1. Человеческому роду достанется все полезное (6:36.8–9), 2. Царственность получит большие блага от Бога (6:36.12–13), 3. Империя удержит то, что существует (6:36.13), 4. Ромеи приобретут то, что еще не имеют (6:36.14), 5. Государство приумножит ныне возвращенное (6:36.14).

Поскольку «в византийском представлении религия занимала центральное место, и общество представлялось как союз Всемирного государства со Вселенской Церковью»¹, Юстиниан I в своих преобразованиях социума уповал прежде всего на Бога и рассчитывал на неизбежную солидарность священнической власти: «Мы верим, что надежда на Бога – единственная для нас поддержка в течение всего существования нашего государства и царственности, чувствуя, что это приносит нам спасение и души, и империи, поэтому подобает, чтобы и наши своды законов были связаны с этим и имели ее (надежду) в виду и чтобы она являлась их началом, серединой и концом» (Nov. Iust., 109:517.8–15).

¹ *Протоиерей Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научный сборник под общей редакцией С. С. Хоружего. М., 1995. С. 9.*

Церковь и империя были призваны к выполнению новых функций, к решению новых задач. «Новеллы Юстиниана», как первый средневековый источник, впервые в юридической практике возвысили церковь (священническую власть) до уровня царственности. Началось плодотворное сотрудничество, единогласие двух ветвей власти. Будучи неразрывно связанной с обществом, византийская церковь, при поддержке со стороны государственной власти, стала успешно использовать единящую духовную мощь христианского мировоззрения во благо полиэтнического ромейского социума, во многом обеспечив его толерантность и устойчивость общественных сопряженностей. Тем самым сложилась симфония священства и царственности – ведущий признак складывающегося средневекового общества в его классической форме.

В. Гливинский

Екатеринбург

СВ. НИКОЛАЙ МИСТИК. ПИСЬМО № 10 СИМЕОНУ, ПРАВИТЕЛЮ БОЛГАРИИ

Патриарх Николай Мистик (ок. 850–925 гг.) – одна из крупнейших фигур церковно-политической жизни Византии в первой четверти X в. Широко известна его деятельность, направленная на защиту церковно-канонического учения о браке, в борьбе с императором Львом IV (866–912 гг.). Гораздо менее известно то обстоятельство, что патриарх оставил богатое эпистолярное наследие, состоящее из 195 писем, написанных в разное время и имеющих различных адресатов. Критическое издание этих писем вкупе с английским переводом было выполнено в Вашингтонском центре византийских исследований в 1973 г.¹ Среди этого богатого эпистолярия обращает на себя внимание цикл писем, адресованных болгарскому царю Симеону (893–927 гг.). Как отмечает один из исследователей, «в этих письмах заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии и Византии, а также и к другим их соседям»². Перевод одного из писем этого цикла, а именно десятого письма, предлагается вниманию читателей.

¹ *Nicholas I., Patriarch of Constantinople. Letters. Greek Text and English translation* by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington, 1973.

² *Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X в. М., 1875. С. 1.*